

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ЛЕЗГИНКА
ПО-РУССКИ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Лезгинка по-русски

«Автор»

2010

Самаров С. В.

Лезгинка по-русски / С. В. Самаров — «Автор»,
2010 — (Спецназ ГРУ)

Офицеры спецназа ГРУ взяли в плотное кольцо схрон чеченского эмира Амади Дидигова, ожидая подхода местных боевиков, как вдруг на них выскочили вооруженные люди, пришедшие совсем с другой стороны – с территории Грузии. В результате короткого боя группу нарушителей уничтожили, а двоих взяли живьем. Рюкзаки пленных оказались набиты упаковками с безобидным лекарством от простуды. Что-то здесь не так! Подполковник Занадворов принимает решение допросить одного из захваченных. И тот, оказавшийся офицером грузинской разведки, рассказал спецназовцам такое, что даже у закаленных бойцов екнуло сердце...

Содержание

ПРОЛОГ	6
Часть 1	18
ГЛАВА ПЕРВАЯ	18
ГЛАВА ВТОРАЯ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Самаров Лезгинка по-русски

«Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание русских людей. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим верить в них. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своим масштабам трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

Из литературы и искусства мы постепенно вытравим их социальную сущность, опустим художников – отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс.

Литература, театр, кино – все будет изображать и прославлять так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом, всякую безнравственность. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху.

Честность и порядочность будут осмеиваться и станут никому не нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом».

Ален Даллес,

Руководитель политразведки США в Европе

с 1942 по 1945 год, с 1953 по 1961 год директор ЦРУ.

Из докладной записки конгрессу США,

декабрь 1944 года.

ПРОЛОГ

– Осень в горах очень красива, – сказал высокий сухопарый человек, на короткий миг отрывая взгляд от дороги. Но долго рассматривать горы он позволить себе не мог, поскольку дорога приковывала к себе все его внимание и естественный инстинкт самосохранения призывал к сосредоточенности. Человек был опытным водителем, но он не привык ездить по таким трассам. И вообще он любил ездить быстро, а здесь подобная езда грозила крупными неприятностями, потому что машину в любой момент могло выбросить в сторону, а понятие «сторона» в существующих условиях означало длительное и красивое падение с большой высоты. И без того уже человек много раз чувствовал, что руль отчего-то не слушается его рук. После очередной выбоины колеса, видимо, зависали в воздухе, несмотря на то что нелегкая машина была ко всему прочему еще и полностью загружена, и управление терялось. Скорость приходилось срочно сбрасывать, и оттого создавалось впечатление, что водитель плохо дружит с машиной. То есть, попросту, ездит еле-еле, как новичок. Это было неправдой, и водитель желал оправдаться в глазах своих пассажиров, но снова и снова попадал в ту же историю.

– К этим бы горам добавить нормальные дороги...

Последнее было просто мечтанием, и водитель сам понимал это.

– Если, господин полковник, построим американскую базу, может быть, и дорогу сделают... – сказал пассажир с левого заднего сиденья. – У вас, кстати, новостей по этому поводу нет?

Пассажир говорил по-английски с непривычным для американцев ярко выраженным кавказским акцентом, но понять его можно было почти без напряжения. К тому же изучал он когда-то не американский вариант английского языка, а, скорее всего, оксфордский курс, то есть классику.

– База меня мало касается, – сказал полковник, – хотя иметь здесь хорошую дорогу иногда тоже хочется – даже при том, что она вредна для нашей работы. Где хорошая дорога, там большое движение. Большое движение предполагает присутствие лиц, которым здесь делать вообще нечего. Впрочем, и дорога меня мало касается, поскольку я не планирую доживать здесь остаток дней своих. А к моему родному дому дорога ведет хорошая. Она всегда была такой, даже когда я был еще ребенком... Дороги типа вашей у нас даже на карте не отмечаются, потому что их, по большому счету, таковыми считать нельзя. А то вполне можешь в неприятность попасть. Если на внедорожнике едешь, еще ладно. А если на простой, скажем, машине, то на карту глянешь и подумаешь, что сможешь проехать. Заберешься и никогда уже не выберешься, потому что здесь нет ни одной автомастерской, а что такое эвакуатор – здесь никто и никогда не слышал...

В этих словах звучало не просто превосходство, в них сквозило даже откровенное презрение; тем не менее человек, к которому они были обращены, только согласно кивнул и вздохнул. Сам он никогда в США не был, но знал по разговорам, что там даже дети умеют водить машину. А детям по такой дороге, что ложилась сейчас под колеса армейского «Лендровера Дефендер» с грузинским номером, проехать будет явно сложно. Впрочем, разговор пока шел вовсе не о детях и, по большому счету, не о дорогах.

– База касается нас всех, – все же заметил человек с кавказским акцентом, чтобы показать свое право голоса, но не более. Спорить он не собирался. Он прекрасно чувствовал отношение к себе американских специалистов, внутренне, случалось, даже вскипал от такого отношения, но тем не менее не заострял вопрос и не обострял ситуацию. Подполковнику грузинской специальной службы внешней разведки Элизабару Мелашвили требовалось не отношения выяснять, а выполнять приказ, и при этом не забывать о собственных интересах, а они становились

день ото дня все более весомыми. И потому он старательно гасил в себе гордость горца, пропуская мимо ушей частные и нередко неллицеприятные высказывания.

Пассажиры «Лендровера» хорошо понимали, что имеет в виду полковник Мелашвили. Присутствие американской военной базы в стране рассматривалось большинством государственных и военных чиновников, особенно молодых, как гарантия безопасности со стороны России. И грузинам иметь эти базы на своей территории хотелось даже больше, чем американцам. Более того, от американского присутствия они сами себе казались сильнее и думали, что могут больше себе позволить, хотя в действительности позволяли себе только то, что разрешали им те же американцы. Вопрос о базе поднимался многократно, но решение так и не было принято, а сейчас, когда вместо базы в этих местах построен другой военный объект, уже и смысла вести подобный разговор не было. Тем не менее разговор о ней время от времени все же возникал. Кто-то настойчиво доказывал, что построенной лаборатории требуется серьезное силовое прикрытие. Но и этот вопрос пока висел в воздухе.

– Быть базе или не быть – решать будем мы, – холодно заметил полковник, имеющий свой взгляд на проблему, – как и вопрос о функционировании лаборатории. А лаборатория и база – вещи несовместимые. Да и местные... Они уже не очень хотят эту базу видеть. Ситуация изменилась.

Местные – это не грузины, хотя и живут на территории Грузии. Это несколько чеченских сел, лежащих вдоль границы с Россией, причем заглядывать в эти села не решались даже грузинские пограничники. Когда Россия активно воевала в Чечне, эти населенные пункты использовались боевиками в качестве «зимних квартир», и постоянно была угроза бомбардировки или ракетного обстрела с российской территории. По крайней мере, такие угрозы звучали из уст и российских военных, и политиков самого крупного масштаба. Именно тогда и поднимался вопрос о строительстве американской военной базы. И местные чеченцы были чуть ли не инициаторами. Когда же обстановка нормализовалась, чеченцы уже выступали против. Они привыкли жить своим укладом и не любили, когда им мешали посторонние. А военная база – это уже очень много посторонних, которые были не в состоянии понять чеченский уклад жизни.

Тем не менее небольшую лабораторию здесь все же построили. Вернее, только ее корпус – функционировать на полную мощность она еще не начала. Но вскоре должны были завезти основное оборудование, и тогда дело должно было пойти. Пока же десяток сотрудников – и грузин, и американцев – проводили отдельные эксперименты. Но время у ученых еще было. А вот у военных, которые эту лабораторию строили, оно было уже лимитировано. Вернее, военные были даже ни при чем, хотя официально лаборатория считалась военным объектом. Ее строило ЦРУ, как объект особой секретности. Естественно, вести хорошую дорогу к объекту никто не собирался – без нее подобные учреждения живут спокойнее.

Примерно по тем же причинам полковник не желал и присутствия рядом военной базы. Это вовсе не база Центрального разведывательного управления. На военной базе служат люди совсем иного склада мышления и уровня осознания своего места в чужой стране. И позволить таким людям общаться с сотрудниками своей лаборатории полковник не мог. Подобное общение в состоянии обернуться крахом и международным скандалом. Полковник же привык быть профессионально осторожным человеком.

* * *

Машину полковника Лоренца охрана, конечно же, хорошо знала, и потому внешний скрытый пост на нее не среагировал. Но сам Лоренц тоже знал, где находится пост, и потому, притормозив за очередным крутым поворотом, опустил в дверце стекло и вопросительно высунул голову. Из-за камня поднялась в приветствии рука. Лоренц удовлетворенно нажал на аксе-

лератор. Здесь останавливать и проверять документы и не должны были – только рассмотреть машину, сообщить на следующий пост и заблокировать дорогу, если это потребуется. Здесь, в горах, любая дорога блокируется элементарно – одной гранаты хватит, чтобы создать завал и перекрыть путь. Более того, в некоторых местах над дорогой были специально выложены камни, чтобы при необходимости создать завал или обрушить их на какую-то машину. Правда, местные жители – те самые чеченцы – предупреждали, что весной эти камни сами по себе обязательно свалятся вместе с подтаявшим снегом, и, может быть, именно в тот момент, когда внизу будет проходить машина. Но инженерные специалисты ЦРУ посчитали такую вероятность незначительной, а полковник Лоренц предпочитал больше верить своим специалистам, чем этим чеченцам. Что они, темные необразованные горцы, кроме своего вонючего овечьего сыра и автомата Калашникова, ничего в жизни не знающие, вообще могут понимать в инженерных сооружениях?

Следующий пост был уже на самом перевале, и полковник сразу отметил недочет в системе охраны. Согласно положению, разработанному самим Лоренцом, охрана на этом открытом посту должна носить форму грузинской армии, поскольку с более высокого перевала – с другой стороны границы – этот пост можно было рассмотреть с помощью хорошей оптики. Если, конечно, погода позволит. И охрана носила грузинскую форму. Беда была том, что один из охранников был афроамериканцем, как в самой Америке давно уже зовут негров, считая последнее слово оскорбительным прозвищем. Его потихоньку убирают даже из словарей, а из обихода оно уже почти вышло и осталось лишь в качестве ругательства. Но в самой Грузии афроамериканцы и даже негры не считаются коренными жителями, что полковника Лоренца, как и многих американцев, когда-то сильно удивляло. И потому вид солдата в грузинской военной форме, но имеющего шоколадный цвет кожи, может привлечь ненужное внимание к посту со стороны наблюдателей российской разведки или пограничников. Присутствие в лаборатории американских специалистов лучше было не афишировать, поэтому сам полковник Лоренц носил здесь только гражданскую одежду, к чему обязал и всех своих сотрудников. Впрочем, для офицера ЦРУ это было привычным даже в стенах здания в Лэнгли,¹ и потому ни у кого не вызывало неудобств. Что же касается непосредственно штатных сотрудников лаборатории, то они – хотя некоторые и имели воинские звания – форму не носили вообще никогда и даже стремились категорично отрицать свою связь с военными кругами, тем более с ЦРУ.

Часовой на верхнем посту вышел навстречу машине, хотя, конечно, узнал ее, как и самого полковника. Коротко, чисто по-деловому козырнул.

– Все в порядке? – спросил Лоренц.

– Да, сэр.

– Кто-то уже проезжал?

– Да, сэр. Но мало. За весь день ваша машина только третья. Утром была заправочная станция, уехала полтора часа назад. Два часа назад прошла машина с научными сотрудниками и каким-то грузином, очень толстым, просто великолепно толстым. Ему бы сумо² заниматься... Все пропуска подписаны лично вами.

– Да, я жду их. Два часа назад, говоришь?

Полковник кивнул, отпуская часового; тот сделал шаг назад, и Лоренц плавно двинул машину к спуску с перевала. И только в последний момент увидел два спаренных пулемета, смотрящих из бетонированной бойницы черными отверстиями стволов в лобовое стекло «Лендровера». Конечно, стрелять в них никто не собирался, но испытать неприятное шевеление в области спины полковнику все же пришлось. Он не любил находиться под прицелом, пусть это даже пулеметы его подчиненных. И от вида этих стволов где-то там, под рубашкой,

¹ Штаб-квартира ЦРУ находится неподалеку от Вашингтона в небольшом городке Лэнгли, штат Виргиния.

² Сумо – японская культовая борьба.

словно бы тараканы забегали. Ощущение это было знакомо давно и преследовало полковника с того случая, когда его машину и в самом деле обстреляли из пулемета. Случилось это на Ближнем Востоке, причем стреляли потенциальные союзники с поста, выставленного израильскими силами самообороны. А Лоренц тогда ехал с палестинских территорий. Был убит водитель, ранен сопровождающий офицер израильской разведки, а сам полковник, хотя и не получил никаких ранений, с тех пор не может равнодушно смотреть на любой наставленный в его сторону ствол, даже не пулеметный, и чувствует начальную стадию паники. И потому старается не подставляться...

Сам спуск в долину тоже доставлял мало удовольствия с точки зрения сохранения режима секретности, потому что верхняя его часть просматривалась с российской стороны. Правда, на второй половине пути гора закрывала территорию Грузии от взглядов с севера. И там уже дорога не столько спускалась, сколько шла вдаль, прямо по долине и почти без спуска, потому что дно ущелья впереди постепенно поднималось. И так до группы холмов. Там, в конце, располагалось здание лаборатории. Дорога уходила и дальше за лабораторию, но обрывалась у разрушенного моста через ущелье. Дальше пути не было, как не было и встречного движения. Это успокаивало. Кто не любит публики, тот с удовольствием устраивается в тупиках...

По пути было необходимо проехать через старое чеченское село с тремя каменными ветхими башнями, устроившимися на склоне. Полковник всегда смотрел на эти башни с легким недоверием, считая, что они могут рассыпаться от одного энергичного взгляда, и некогда был очень удивлен, узнав, что им уже несколько веков. Он вообще относился к местным чеченцам так же, как американцы относились когда-то – и относятся сейчас – к своим индейцам. Это афроамериканцы со временем сумели заставить белых с собой считаться. Индейцы к этому уже давно не стремятся. Тем не менее полковник Лоренц, чтобы сохранить с местными жителями добрососедские отношения – а его предупредили, что с ними лучше не ссориться, иначе быть беде, – согласился взять на работу в лабораторию несколько человек. Естественно, работа была такой, какой эти люди, по мнению полковника, были достойны. В основном все сводилось к уборке территории; с другими обязанностями справлялись специалисты и солдаты...

Последний пост был при въезде на территорию. Здесь полковнику уже пришлось выйти из машины, иначе проехать во двор было невозможно. Изометрический замок на воротах требовательно подмигивал красным глазком, предлагая положить на внутреннюю сторону своего пластикового клюва указательный палец. Полковник послушно сделал это, и тогда ворота раскрылись. При попытке проехать на территорию без прохождения изометрического контроля автоматическая скорострельная пушка-робот расстреляла бы любой транспорт с броней слабее танка «Абрамс».³ Если бы потребовалось проехать какой-нибудь машине, не имеющей допуска, то ворота могли открыть отпечатком своего пальца только шесть ответственных лиц, включая самого полковника Лоренца. Эти же шесть лиц несли персональную ответственность за тех, кого они привозили с собой. Впрочем, сразу за воротами машина попадала в ангар, где документы у всех прибывших – естественно, кроме собственного командира, – досматривали военнослужащие.

Меры по сохранению режима секретности были достаточно серьезными. Впрочем, на многих объектах ЦРУ они считались естественными, а здесь, вдалеке от своих границ и вблизи границ России, были жизненно важными. А необходимость забираться в самую глушь грузинских гор, так близко к российской границе, была очевидной. Деятельность лаборатории не должна была иметь контроля. Дикие чеченцы, живущие вдоль границы, серьезной угрозы

³ Танк «Абрамс» – супердорогой танк, стоящий на вооружении армии США. США утверждали, что он неуязвим в бою для любых противотанковых средств и поразить его можно только ракетой. Однако во время штурма Багдада иракцы сумели подбить больше десятка этих хваленых танков из обычного российского гранатомета «РПГ-7», стреляя сверху, с балконов и из окон домов, обычными бронебойными гранатами.

представлять не могли, если с ними, как предупреждали, не ссориться. Конечно, если сделать это, неприятности возникнут обязательно. Об этом также предупреждали заранее. С грузинской стороны сюда могли заглядывать только те, кого полковник Лоренц сам пожелал бы увидеть, да и то проехать к лаборатории они могли бы только с сопровождающими. А уж что на самом деле можно показать, а что показывать нельзя – это решать полковнику.

Лоренц понимал, что в случае раскрытия и придания огласке его действий международный скандал будет такого уровня, что отдельных офицеров ЦРУ, возможно, будут даже судить, и сами Соединенные Штаты постараются отмежеваться от проблемы. И возглавит список людей, подлежащих наказанию – причем даже по американским законам, – именно он, полковник Зигфрид Лоренц...

* * *

Лабораторный корпус был двухэтажным, широким, если посмотреть со стороны, и имел, в дополнение к внешнему, внутренний двор, спрятанный под общей крышей. Кабинет полковника Лоренца находился на втором этаже и был угловым, что давало возможность смотреть через бронированные зеркальные стекла окон в две стороны. Полковник почему-то всегда любил угловые кабинеты, имеющие окна на разные стороны. Более того, даже дома его рабочая комната была спланирована по такому же принципу.

Входная дверь, что вела в тамбур, открывалась персональной пластиковой карточкой, имевшей собственный код. Пока полковник входил в тамбур, готовились к открытию те двери, в которые, кроме него и еще нескольких человек, войти не мог никто. В первую очередь компьютер выводил из ниши изометрический замок. Приложенный к замку палец дверь еще не открывал, а только выдвигал объектив, в который следовало посмотреть любым глазом. Компьютер проводил идентификацию по рисунку сетчатки глаза, которая, как известно, еще более индивидуальна, чем отпечатки пальцев. И только такая двойная идентификация давала доступ в лабораторный корпус.

За дверью располагался небольшой холл со шкафчиками для переодевания в лабораторную одежду. В этот холл полковник, как и еще пять старших офицеров лаборатории, мог провести своих гостей. Дальше он уже никого провести не мог, если человек не имел доступа. Но из холла можно было пройти в небольшой конференц-зал, или зал для заседаний, как его называли грузины, – и полковник соглашался, что это более правильное название, поскольку никаких конференций здесь проводиться никогда не будет. Этот зал специально предназначался для приема гостей. Чтобы попасть туда, даже переодеваться не следовало. Поэтому из всех прибывших переоделся только сам полковник Лоренц. Он распахнул дверь, приглашая приехавших с ним грузинского подполковника и трех американских офицеров разведки.

– Проходите. Я буду через пять минут. Если хотите, вам принесут кофе. Принести?

– Я бы от чая не отказался, – сказал подполковник Мелашвили. – У меня от кофе сердце зажимает...

– Остальным – кофе! – решил за всех американский майор.

Лоренц нажал на стене кнопку переговорного устройства.

– В конференц-зал три кофе и один чай.

– Две минуты, сэр, – ответил кто-то.

– Ждите...

Кивнув, полковник открыл пластиковой карточкой еще одну дверь в стене. И снова попал в тамбур, из которого проходить дальше следовало с вышеописанными процедурами опознавания.

* * *

В кабинете полковник, не садясь за стол, включил компьютер, и пока тот загружался, подошел к окну, чтобы осмотреть территорию. Смотреть-то было, по большому счету, не на что, поскольку двор был голым и пустынным, и зеркальная пленка, покрывающая стекло, делала вид сумрачным и унылым. Забор, как его поставили при строительстве, так же ровно и стоял, украшенный поверху, в дополнение к лазерной системе сигнализации, еще и спиральной пружинистой лентой, заменяющей обычную колючую проволоку. При разрезании эта лента начинала раскручиваться с бешеной силой, и сталь, тонкая и острая, как лезвие бритвы, разрезала чуть не пополам любого человека, что оказался бы в этот момент на стене. Угол двора занимал корпус гаража, но со двора туда вела только одна-единственная бронированная дверь, обеспечивающая высшую степень защиты. Без прохождения идентификации ни войти в гараж, ни выйти из него не мог никто. Выездные ворота выходили за пределы базы и тоже были снабжены системами защиты. Кроме того, в гараже находился постоянный пост охраны.

В противоположном углу двора, невидимый из окон полковника Лоренца, стоял одноэтажный корпус казармы. Но там, где находится казарма, всегда должно быть спокойно, потому-то полковник и выбрал для своего кабинета именно угол.

* * *

Компьютер загрузился. Сначала Лоренц подключился к камере в конференц-зале, посмотрел, как скучно и молча проводят время приехавшие с ним люди, потом перешел на камеру гостевой комнаты. Там – два офицера: один из них тоже из грузинской специальной службы внешней разведки, Лоренц забыл его фамилию; второй – американец, из агентуры, и потому раньше с Лоренцом не сотрудничавший; и с ними – гражданский, вальяжный и весь заплывший жиром, отчего страдал одышкой. Они молча сидели каждый на отдельном диване. Только один толстяк поглядывал по сторонам и вел себя спокойно, почти по-хозяйски. Офицеры были сосредоточены, словно знали, что за ними наблюдают. А может быть, изображали сосредоточенность друг перед другом, чтобы произвести впечатление, понимая, что если судьба свела их в этой комнате, то дальше они, скорее всего, будут работать вместе... Это тоже бывает. Тем, кто собирается работать вместе с другими, хочется произвести при первой же встрече солидное впечатление.

Только после этого, отключившись от камер, Лоренц набрал логин, пароль и открыл «папку» с предназначенными для него документами, впрочем, хорошо и давно изученными, в том числе и им самим подготовленными, и потому он только мельком пробежал глазами по тексту. Да, все правильно, и дальше откладывать дела не стоит. Пора начинать разворачиваться...

Полковник нажал кнопку переговорного устройства, вделанную в стол, и сказал в микрофон, который был невидим для постороннего глаза и вмонтирован прямо в столешницу:

- Солтон, сгоняй всех в конференц-зал. Я готов.
- Всех, сэр? Научных сотрудников тоже? – переспросил капитан.
- Всех, как я и приказывал. Пусть пока оставят работу. У них будет время наверстать...

Он выключил компьютер, осмотрел свой кабинет, словно проверяя напоследок, все ли здесь на месте и везде ли порядок, и только после этого пошел к лестнице в холл и открыл еще одну дверь, ведущую напрямую в конференц-зал.

* * *

– Мое вступительное слово будет коротким, поскольку все вы хорошо знакомы с проблемой, – начал свое выступление полковник Лоренц. – Все вы, здесь собравшиеся – по крайней мере большинство из вас, – знаете, для чего вы приехали сюда, что должны сделать здесь для своей страны и для упрочения ее положения в мире. Мы – люди полностью или частично военные и несем за Соединенные Штаты точно такую же ответственность, какую может нести солдат, воюющий под нашим флагом. В нескольких километрах от нас лежит граница, а по другую ее сторону – обширные пространства, заселенные народами, которые не хотят жить с нами в мире и согласии. Пусть не стало Советского Союза – с этим мы смогли благополучно справиться. Но осталась еще Россия с ядерным потенциалом того же СССР. И это наша постоянная головная боль, вечная угроза миру и демократии. Более того, Россия стремится и к экономическому господству, причем в том мире, на том рынке, где все сферы влияния уже давным-давно поделены, где не слишком будут жаловать новичка. К чему может привести желание одних и нежелание других, объяснять никому не нужно. Политики говорят много лестных слов в адрес друг друга, но мы все понимаем, что такое политика, и понимаем, что, помимо всего этого, существует еще и реальность. Когда говорят о мире, думают о войне. Так, кажется, Бисмарк сказал. И наша обязанность постоянно о ней думать, не допуская усиления потенциального противника. Что это такое – не допускать усиления? А это значит, что ослабление потенциального противника до того, как он окреп, в состоянии обеспечить безопасность нашей с вами стране...

Полковник обвел глазами зал и сам себе удовлетворенно кивнул. Собравшиеся молчали и ждали продолжения:

– Мы наконец-то вышли на завершающий этап своей операции. Завтра привезут недостающее лабораторное оборудование, и мы сможем работать на полную мощность, в разумных пределах совмещая функции исследователей и производителей. Но даже на уже имеющемся оборудовании мы произвели опытные образцы, и сегодня они будут переданы оптовому продавцу, который берется обеспечить нам сбыт. Он сидит здесь, среди вас, и, хотя не знает английского языка, тем не менее знает другое, не менее важное – свою экономическую выгоду. Цены его очень даже устраивают, а наши цели его не касаются. Его трогает, повторяю, только выгода. И потому такое сотрудничество мы расцениваем как перспективное. Российские органы наркоконтроля, как все вы знаете, начинают обучаться работать против поставщиков афганского героина и пытаются выставлять кордоны. Изредка они добиваются успеха. Мы исследовали этот вариант в качестве основного инструмента операции и нашли его излишне дорогостоящим для наших налогоплательщиков и рискованным для нас, потому что в такой работе замешано слишком много посторонних сил, не слишком хорошо относящихся к Соединенным Штатам. Я имею в виду, как вы понимаете, талибов, которые контролируют большинство путей транспортировки героина внутри Афганистана. Потому мы вынуждены были искать собственный путь, и такой путь нашелся. И именно поэтому все мы собрались здесь. На этом я свое короткое выступление завершаю и предоставляю слово подполковнику Спрингфилду, нашему крупнейшему специалисту в области токсикологической химии. Кто еще не знает, могу сообщить, что он официально утвержден научным руководителем проекта «Хиросима». Итак, Джефф, прошу вас... Можете не вставать.

Сухощавый и молчаливый, мягкий в общении и обладающий манерой говорить весомо и внушительно, хотя и негромко, профессор Джефферсон Спрингфилд положил обе руки на папку с какими-то документами, что привез с собой, но не раскрыл ее, потому что содержание своих бумаг и без того знал хорошо.

– Я, господа, постараюсь быть не более многословным, чем полковник, или даже более кратким. Итак, сразу обозначаю нашу задачу. Мы находимся здесь, в горах Грузии, с тем, чтобы не только наладить производство синтетического наркотика фенциклидина, но и выработать наиболее простые и дешевые способы его производства, – вплоть до того, чтобы научить людей, знающих только основы химии, производить его на кухне собственной квартиры. Существующие на сегодняшний день технологии производства все же требуют лабораторного подхода, и нам следует их максимально упростить. При этом нас не должна волновать потеря качества и чистоты препарата. Чем он будет примитивнее, тем хуже для тех, кто станет его применять. Мои коллеги, которых здесь большинство, прекрасно знают, что такое фенциклидин. Я объясню только для военных, которые вовсе не обязательно знакомы с этим веществом. Этот препарат избирательно воздействует на зрительные центры головного мозга. За счет увеличения спектральной чувствительности глаза человек после принятия наркотика вдруг начинает видеть даже в полной темноте. При повторном применении появляются зрительные галлюцинации. Длительное и постоянное применение фенциклидина может доводить человека до экстатического состояния. Еще одна важная особенность наркотика – угнетающее подавление силы воли. После принятия даже минимальной дозы человек уже не в силах сопротивляться внушению. А таковое, как мы все знаем, обрушивается на него с разных сторон через газеты, радио, телевидение, Интернет и так далее.

Но все наши усилия были бы бесполезными, если бы мы просто производили здесь фенциклидин и пытались реализовать его, пусть и по самым бросовым ценам. Мы, во-первых, просто не в состоянии произвести его столько, сколько требуется для выполнения поставленной задачи. А, во-вторых, этот процесс постепенно перешел бы в аналог распространения героина, и все... И опять соответствующие спецслужбы успешно или неуспешно боролись бы с этим явлением, а наши усилия проросли бы минимальными результатами. Но планы у нас другие, и не случайно операция называется так – «Хиросима». Россия должна получить удар точно такой же силы, если не более мощный, как и взрывы атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки, отразившиеся на здоровье многих поколений японцев; точно так же работа нашей лаборатории должна отразиться на здоровье жителей России.

Но как достичь такого результата? Это я могу объяснить. Среди нас сейчас находится шесть великолепных специалистов, профессоров с международным именем, и никто не знает, что они уже несколько лет заняты в программах, разрабатываемых Центральным разведывательным управлением. Лекции этих ученых ценят в разных странах, в том числе и в России. Конечно, мы не вправе загружать таких светил науки мелкими лабораторными работами. Это наша задача – разработать технологии для, грубо говоря, кухонной лаборатории, где каждый студент-химик сможет произвести фенциклидин. И свои разработки мы будем передавать нашим прославленным преподавателям. Передавать с тем, чтобы они во время своих лекций или семинаров, во время встреч со студентами из России, где всегда не хватает финансирования научных разработок, смогли легализовать сделанное нами. Просто между делом, как о чем-то обычном и малозначительном, но, естественно, только в приватной беседе, а не с кафедры, рассказали бы, как сами финансировали свои работы, сделав и продав фенциклидин. Это будет не навязыванием, не пропагандой. Это будет маленьким секретом молодости знаменитых ученых. А все дальнейшее просчитали уже наши специалисты-психологи. Уровень жизни населения России таков, что практически все испытывают недостаток в средствах. И из сотни человек разве что один по моральным принципам откажется от возможности заработать. Сначала хотя бы чуть-чуть, на насущные нужды. Дальше пойдет цепная реакция, которая охватит всю страну. То есть «радиация Хиросимы» расплзется по всей России. И это будет означать, что наша лаборатория свою работу сделала качественно и нам есть за что себя похвалить. Кстати, на фенциклидине заикливаться тоже не стоит, потому что существует еще множество препаратов, которые вполне возможно изготовить в домашних условиях. Например, есть множество

вариантов обработки эфедрина. Это тоже тема перспективная, и у нас есть специалисты по данному вопросу. Инициатива в нашей работе не возбраняется... У меня все.

– Я хочу только добавить, – снова встал полковник Лоренц, – что на днях выступал наш президент. Могу привести вам его слова.

Он достал из кармана бумажку с принтерной распечаткой и прочитал:

– «Я хочу, чтобы вы поняли: я готов без колебаний использовать силу для защиты американского народа и наших важнейших интересов, но в то же время обещаю: я не буду рисковать вашими жизнями, если только это не является необходимым для интересов Америки...» Так сказал президент. Он в курсе нашей миссии и одобряет ее, хотя, думаю, не готов озвучить свое мнение. Тем не менее я хочу, чтобы и вы поняли: мы выполняем здесь как раз то, что «является необходимым для интересов Америки»...

* * *

Все остальные вопросы обсуждались в рабочем порядке: система охраны и дисциплинарные требования как к военнослужащим, так и к научным работникам лаборатории; взаимоотношения с местными жителями из чеченских сел; система отдыха; почтовые отправления и телефонные переговоры с домом – и прочие жизненные мелочи, вроде бы проходные, но способные в случае отступления в сторону от правил нарушить всю деятельность лаборатории. Здесь уже, каждый в своей области, давали указания заместители Лоренца, а сам полковник уже обдумывал свой следующий разговор.

Он состоялся сразу после завершения совещания в комнате, где, рассевшись на трех диванах, грузинский и американский разведчики и необыкновенно толстый человек, которого они привезли с собой, дожидались полковника Лоренца. В этот раз к беседе присоединился еще и подполковник Мелашвили, который после проработки вопроса как раз и предложил кандидатуру толстого человека.

При близком рассмотрении гость показался Лоренцу не просто очень толстым, а безобразно заплывшим жиром и даже больным, хотя Элизабар Мелашвили уверял, что у того со здоровьем все в порядке, несмотря на двадцать с лишним лет, проведенных за тюремными решетками. Тем не менее он вызывал к себе неприятное, брезгливое отношение, перебороть которое полковник Лоренц не мог, и потому даже руку гостю пожать не пожелал. Точно такое же брезгливое чувство Лоренц, всегда собранный и сухощавый, часто испытывал и дома, в Штатах, где просто толстых и безобразно толстых людей намного больше, чем в любой другой стране мира. Но там были американцы, соотечественники, и им это как-то легче прощалось. Здесь – совсем другое дело. Каждый американец, считал Лоренц, просто обязан чувствовать себя здесь учителем и человеком высшего порядка, более развитым, которому многое разрешается себе позволить. Например, не следить за своей фигурой. У американцев в Грузии должно быть такое право, как существует оно в любой африканской стране. И убедить полковника в обратном было просто невозможно – это значило бы нанести удар по его патриотизму...

Еще раньше, когда операция только планировалась, как говорится, в крупном масштабе, то есть без проработки отдельных деталей, способных простое дело превратить в сложно-изошренное, Лоренц долго не мог полностью понять, что же такое «вор в законе», несмотря на все пространственные объяснения подполковника грузинской разведки. «Вор» в его понятии и в полном соответствии со всеми возможными словарями был просто вором, а «закон» – это было то, что ему противостоит. И как можно было совместить эти два понятия – этого западный менталитет допустить не мог ни с каких филологических или нравственных позиций. И пришлось даже запрашивать лингвистов ЦРУ, которые тоже долго мучились с этим странным понятием и в конце концов перевели его как мафиозный «крестный отец». По крайней мере, это американцу было более близко.

Гостя звали Акаки Эфтимешвили. В криминальном мире он был более известен как Цепной. Сначала Лоренц не мог понять и странное слово «Цепной», поскольку, хоть и научился слегка обращаться с грузинской лексикой, но постичь еще и русскую был не в состоянии и разобрался только после аналогии, приведенной подполковником Мелашвили: «цепной пес» – чрезвычайно свирепая собака, которая сидит на цепи, без которой крайне опасна. Такое прозвище обещало многое. Однако сам Акаки вовсе не был обладателем свирепого вида и не имел даже свирепого взгляда. Напротив, он смотрел почти добродушно, хотя и чуть-чуть свысока, покровительственно, словно не ему делают услугу, предлагая неплохо заработать, а обратились к нему за помощью, и он со своей высоты снизошел до того, чтобы согласиться. Впрочем, это было обманчивым впечатлением, как говорило досье на «вора в законе», которое предоставил американским коллегам подполковник грузинской разведки. Цепной был в действительности жестким и цепким человеком с большими связями в российских правоохранительных структурах, во всех грузинских правительствах последних лет – а таких правительств сменилось немало. С ним всерьез считались по обе стороны границы, а на исторической родине, хотя проживал Эфтимешвили в Москве, к его мнению прислушивались при решении многих вопросов.

Войдя в комнату, полковник Лоренц сразу сориентировался и умышленно выбрал себе тот диван, что находился через стол от «вора в законе». Так можно было не находиться с этим человеком рядом, следовательно, без демонстративности избежать рукопожатия и не задыхаться от запаха пота, который свойственен всем толстым людям. Одновременно с соблюдением физической дистанции соблюдалась и дистанция субординационная, поскольку американский полковник никак не мог позволить какому-то уголовнику считать себя равным ему человеком. А тот, похоже, желал считать себя именно таким. Когда два офицера, американский и грузинский, встали, приветствуя вошедшего Лоренца, Эфтимешвили остался сидеть, развалившись в вольготной позе и почти расплывшись по своему дивану, и только приветственно поднял руку, якобы здороваясь. Это было пренебрежением должностью, которую занимал здесь полковник; тем не менее ради дела приходилось терпеть, хотя сначала было желание поставить этого зарвавшегося типа на соответствующее ему место.

– Докладывайте, – сказал Лоренц подполковнику Мелашвили.

– Уважаемый Акаки Владимирович специально прибыл сюда, чтобы удостовериться, что имеет дело с серьезной организацией, а не с какими-то разовыми поставщиками, из-за которых не стоит ввязываться в дело и создавать сложную сеть доставки «товара» в Москву и другие города. А он такую сеть в состоянии создать, как сам уверяет, в течение месяца. Причем она будет иметь свои филиалы вплоть до крупных сибирских городов. Если нужно добраться до Дальнего Востока, он может и этим заняться, но там существуют сильные конкуренты в лице китайцев, и внедрение на рынок потребует дополнительных затрат денег и времени.

Второй офицер грузинской разведки, фамилию которого Лоренц не запомнил, вполголоса переводил то, что Мелашвили говорил по-английски. «Вор в законе» полусонно слушал и согласно кивал. Впечатление было такое, что он соглашался на сотрудничество из милости.

– Мы посмотрим, как у него получится на начальном этапе, – сказал Лоренц. – И тогда решим, стоит ли нам работать вместе.

Полковник надеялся, что такие слова слегка поставят «вора» на место, но или его это совершенно не проняло, или в переводе фраза была существенно смягчена; в любом случае полусонное выражение с лица Эфтимешвили не сошло, и он продолжал так же согласно кивать, как и раньше. Плохо, что приходится пользоваться услугами грузинских переводчиков. Это следует учесть и запросить для нужд лаборатории переводчика из Америки.

– У него получится, – ответил за Эфтимешвили подполковник Мелашвили. – Будьте уверены, господин полковник, у него получится...

И в голосе подполковника специальной службы внешней разведки Грузии было столько собственной уверенности, что полковник Лоренц не мог усомниться в возможностях, кото-

рыми обладал «вор в законе». Да он и раньше ни в чем не сомневался, просто хотелось сразу добиться соблюдения субординации и естественной, с точки зрения американского разведчика, расстановки сил. Но сразу это не получилось, что, впрочем, вовсе не говорило о невозможности впоследствии стать хозяином положения. Лишь бы эти грузинские офицеры не мешали. Для них, может быть, Акаки Владимирович Эфтимешвили по кличке Цепной и являлся величиной значимой, но был никем для полковника ЦРУ. И Зигфрид Лоренц намеревался показать это самым наглядным образом при первом же удобном случае.

– Будем надеяться... – сухо заметил полковник. – И как прошла ревизия господина Эфтимешвили? Он остался доволен увиденным? И у нас есть основания надеяться на сотрудничество?

Грузинский офицер перевел вопрос. «Вор» ответил коротко, как отмахнулся.

– Он согласен на сотрудничество, – перевел ответ Мелашвили. – Оплата, как мы и договаривались, после реализации первой партии. Акаки Владимирович должен быть уверен, что *это* хорошо пойдет. Он знает, что такое фенциклидин, хотя никогда с ним не работал. И потому желает удостовериться, что связывается не с пустяком, который не стоит затраченных усилий.

Ответ был гораздо более развернутым и длительным, чем высказывание самого Эфтимешвили. Грузинский подполковник, видимо, многое добавил от себя, поскольку предварительные переговоры шли именно через него и с ситуацией он был знаком гораздо лучше всех других.

– Значит, мы договорились, – решил Лоренц. – Пробная партия будет иметь вид и упаковку лекарства от гриппа. Это сейчас всех волнует и вызовет наименьшие подозрения. Мои офицеры обеспечат вас всем необходимым.

Полковник встал, показывая, что разговор с его стороны закончен. Остальное будут делать его помощники.

* * *

Подполковник Мелашвили вышел вместе с Лоренцом.

– Что там у нас с местными чеченцами?

– Я разговаривал. Завтра придут два человека. С той стороны. Специально для встречи с вами. Говорят, что люди серьезные...

– Что за типы?

– Амади Дидигов, эмир боевиков, как они называют своих полевых командиров, и его финансовый гений, некто Джогирг Зурабов. Говорят, грамотный экономист, чуть ли не талантище международного масштаба, умеет делать деньги из ничего. Впрочем, этот гений может прибыть и один, потому что у Дидигова есть какие-то сложности, и он не в силах в данной обстановке разрешить их своими привычными методами. Мне говорили, что это связано с адатом...

– Что такое адат?

– Закон гор. Самое яркое проявление – кровная месть. Что-то вроде вендетты...

– Один или двое – мне все равно. Я бы не хотел принимать их на базе. Чем меньше людей сюда ходит, тем лучше.

– Можно, конечно, организовать встречу и в селе, но все же база – залог стабильности. Лучше бы, конечно, провести их сюда. Кроме того, Дидигов имеет неприятности как раз с жителями нашего села, и потому ему рискованно туда заявляться. Я сомневаюсь, что какой-то дом здесь пожелает его принять. Это значило бы подставить себя под удар.

– Ладно. Подготовь пропуска, я подпишу. Но беседуй с ними сам, без меня. Мне одного толстяка Акаки хватило... От него дурно пахнет.

– Хорошо, я поговорю сам. – Подполковник Мелашвили чему-то вдруг обрадовался, как показали его глаза.

Лоренц нечаянной радости грузинского разведчика не понял, но он и не собирался понимать. Ему было важно, чтобы фенциклидин ушел через границу. Это был второй пробный канал и тоже нацеленный на внутреннюю Россию. Чем больше будет таких каналов, тем скорее заработает система и, следовательно, операция оправдает свое название. Но сами каналы ничего не решат. Главное же будут делать профессора, которые передадут навыки кухонной лабораторной деятельности студентам. Вот тогда Россию ждет настоящая Хиросима...

Часть 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Командиру отдельной мобильной офицерской группы спецназа ГРУ подполковнику Занадворову позвонил на трубку спутниковой связи начальник штаба бригады подполковник Строев. В это время группа была на маршруте и вела наблюдение за участком леса, где недавно был обнаружен богатый по нынешним временам схрон с оружием. Богатый – это значит, что в нем было не только стрелковое оружие, но и большой запас патронов и, кроме того, значительное количество тротила в шашках и в подготовленных самодельных взрывных устройствах. Схрон сначала разминировали, удалив взрывное устройство, установленное бандитами, потом заминировали сами – очень тщательно, с хитринкой. Занадворов, имея в группе высококлассного сапера капитана Захватова, всегда мог применять «хитрые» взрывные устройства, обойти которые было можно, если только знаешь об их установке. Захватов при выходе на полевые мероприятия всегда брал с собой запас составляющих, из которых умел собрать нечто внешне безопасное, но вызывавшее мощный и неожиданный взрыв. И теперь, перекрыв основные подходы к схрону, уже четвертые сутки ожидали, когда кто-нибудь сюда заявится. А заявиться кто-то должен был, потому что осведомители из числа местного населения уже несколько раз сообщали о появлении в округе посторонних людей. Этими посторонними могли быть только бандиты, хотя странно было, что их видели в разных местах по двое, по трое. Резонным было предположить, что банда готовит проведение какой-то акции. Соберется неподалеку от схрона, а потом двинет туда, чтобы вооружиться и отправиться на дело. Подобная тактика в последнее время встречалась часто. Банды не существовали постоянно; бандиты жили нормальной, вроде бы мирной жизнью в семьях и собирались только для проведения акций, после чего снова прятали оружие в схрон и расходились по домам. Бороться с такими бандами было особенно трудно. Их следовало запираить на месте или организовывать преследование по горячим следам, но они тоже головой думали и для акции выбирали место, где запираить и преследовать их было просто некому. Федералы постоянно находились в цейтноте. А потом попробуй найди этих бандитов и докажи их причастность! И потому приходилось длительное время проводить в засаде около таких схронов.

– Сергей Палыч, – спросил подполковник Строев, – как у тебя дела обстоят?

Занадворов хриловатый голос начальника штаба узнал сразу, хотя и штабной телефонный номер на определителе тоже увидел.

– Караулим, Валентин Викторович, караулим...

– А есть полная уверенность, что не напрасно?

– Такой уверенности быть не может, но есть надежды, подкрепленные агентурными данными. Это тоже немаловажно.

– Для тебя и для меня – немаловажно. А вот командованию результат подавай...

– Командование устроило бы, если бы я сам со своей группой провел акцию, а потом доложил об уничтожении банды?

– Думаю, и такой вариант устроил бы, но дело здесь в другом. На твою группу пришел запрос. Ты единственный в том районе... Нам предлагают тебя из засады снять и отправить в сторону границы. Там что-то происходит непонятное, какая-то активизация движения. Сле-

дует разобраться. А кто, кроме тебя, сможет? Не «краповые» же... Они там дров наломают, а узнать ничего не смогут. Потому снимают тебя.

– Очень не хотелось бы. Дело достаточно серьезное, чтобы нам бросить начатое?

– Я не в курсе. Хотя, говорят, важное направление. Это, думаю, в связи с усилением деятельности грузинских вооруженных сил.

– И что нам делать? Жалко ведь бросать...

– Бросать не нужно. Сутки еще покарауль, а потом тебе на смену пришлют «краповых». Они завершат... Твоя задача – полностью ввести смену в курс дела, передать наработки, чтобы даже они смогли справиться, и улететь с тем же вертолетом, с которым придут они.

Подполковник Занадворов чуть не задохнулся от возмущения.

– Если они придут вертолетом, можно вообще их не высаживать. Спугнут сразу! И никто здесь уже не покажется, хоть до скончания века карауль. А если их не высаживать, мы в вертолет не поместимся. Замкнутый круг, Валентин Викторович...

– Это тоже верно. Я напому, чтобы «краповых» высадили хотя бы на расстоянии дневного перехода. Но тогда придется отдельно гнать вертолет за тобой, потому что тебя там ждать долго не будут, а ты, не выставив смену, не можешь покинуть место.

– Издержки производства. Дело того стоит.

– Хорошо. Я выясню детали, и договоримся. Потом позвоню. До связи.

* * *

Сергей Палыч поправил микрофон «подснежника», коротковолновой радиостанции ограниченного радиуса действия, работающей только в телефонном режиме.

– Я – Дворовой! Внимание всем! Нам дают еще сутки на завершение работы. Если ничего не случится, через сутки на смену выбросят «краповых». Нас снимают на новый участок.

– Я – Тихий, – с привычным своим сарказмом сказал заместитель командира группы майор Тихомиров. – Нам что, предлагают за эти сутки найти бандитов и привести их к схрону?

– Нам, Слава, предлагают подготовить все для полной передачи смене.

– Так что, командование снова считает, что «краповые» справятся с задачей лучше нас? – не унимался майор, которому было обидно, что длительная и тщательная проработка операции, получается, была проведена только для того, чтобы кто-то посторонний, даже из другого министерства, не остался без наград. Спецназ ГРУ, как часто случалось в последнее время, проведя основные поисковые действия, снова окажется ни при чем и не будет даже упомянут в сводке происшествий.

– Отставить амбиции бабушкам! – строго сказал подполковник Занадворов. – Подчиняемся приказу. Там, где нужно только воевать, нас могут заменить, а там, где следует кого-то искать, «краповые» просто не потянут...

– Я – Скрипач. Кого мы будем искать на новом месте, командир? – спросил капитан Захватов. – Новый схрон и новую банду?

– Ничего не знаю.

– А где?

– Видимо, где-то поблизости. Сказали, что в районе границы.

– Пусть бы «краповые» искали.

– Не умеют... Короче, разговоры отставили, каждый прикидывает, что и как передать на своем участке, чтобы при смене ничего не забыть и время не тянуть...

Во всем этом разговоре было много истинных вещей, всем понятных и нередко обсуждаемых. Военная разведка в поисковых мероприятиях равных себе не знала, но в войсковой операции, где следует стрелять и убивать, «краповые» вполне могли заменить собой военных разведчиков. Обидно, конечно, выкладывать на блюде готовую операцию посторонним

службам, которые с радостью запишут ее в свой актив; тем не менее оперативная целесообразность должна ставиться выше личных амбиций, и разведчики, по большому счету, хорошо это понимали – несмотря на множество разговоров, что ходили в войсках. Разговоры сводились к тому, что министру обороны почему-то очень не нравятся части спецназа ГРУ, как и все Главное разведывательное управление, и он всеми силами стремится умалить достоинства военных разведчиков и нанести своими действиями по реформированию армии максимальный вред самым боеспособным ее частям. Впрочем, спецназовцы жили не на отдаленной планете, с другими офицерами общались часто и многократно слышали, что так же оценивали действия министра обороны не только в военной разведке, но и в других родах войск, что, конечно же, не повышало боеспособность армии. Отдельная мобильная офицерская группа подполковника Занадворова ощущала какие-то странные манипуляции вокруг себя. Уже многократно ее отодвигали от финальных действий, позволяя сделать все для получения результата, но сливки снимались другими ведомствами, как правило, относящимся к Министерству внутренних дел, не подчиняющемуся министру обороны. И в этом чувствовалась чья-то воля и чья-то управляющая рука.

* * *

Наблюдение продолжалось, подполковник Занадворов поочередно связывался с каждым из постов, но существенных новостей ниоткуда не поступало, если не считать проход старика и мальчишки, гонящих шестерых коз и круторогого сильного козла, бородой похожего на самого старика. Козы вели себя спокойно, но козел, надо полагать, обладал отменным нюхом и несколько раз покосился в сторону недалекой полосы «зеленки», где прятались спецназовцы. Хорошо еще, что у местных жителей не было с собой собаки. Здешние собаки предпочитают атаковать сразу, не вступая в объяснения, то есть не угрожая длительным лаем или рычанием. В этом случае пост вынужден был бы открыться, поскольку, защищая себя, собаку пришлось бы убить. Но все прошло благополучно, козы с козлом ушли по тропе в сторону перевала, и мальчик со стариком не посмотрели в сторону леска. Куда они гнали животных, было непонятно, поскольку в той стороне не было населенных пунктов. Может быть, на пастбище... Но на пастбище домашнюю скотину гонят весной, а никак не в последние дни предзимья. И это было вопросом, на который подполковник никакого ответа ни услышать, ни сам дать не сумел. И отправлять человека в пригляд возможности не было, поскольку все были разделены по направлениям и каждый отвечал за наблюдение на своем участке. Замена в этом случае была единственной – сам командир. Но он находился на противоположном конце периметра, то есть почти в трех километрах по прямой линии, и пока он успел бы добраться, пастухи уже ушли бы далеко. Да и оставлять свое место подполковнику тоже не хотелось, поскольку оно, хотя и исключало наблюдение, все же обеспечивало принятие необходимого оперативного решения, если бы бандиты прошли в сторону схрона.

Тем не менее странное стадо с пастухами насторожило. Старший лейтенант Пермяков докладывал с поста, и голос у старлея был задумчивым:

- Старик уж очень сильно по сторонам смотрит. Головой вертит «на триста шестьдесят»...
- Может, коза у них потерялась, ищут, – предположил майор Тихомиров.
- Когда ищут, обычно зовут, – не согласился старший лейтенант. – Эти уж очень молчаливы. Так, сдается мне, не бывает.
- И двинули они... – потребовал продолжения командир.
- Вверх по склону.
- Кто у нас выше стоит?

– Я – Сказочник, – отозвался старший лейтенант Лукоморьев. – Видел, как они проходили, только издали. Старик точно головой крутит «на триста шестьдесят», высматривает...

– Левее не забирали? – поинтересовался Занадворов.

– Возможности не имели. Может быть, даже правее пошли. Левее – небольшая каменная гряда, за ней – «зеленка». Имеют возможность свернуть за «зеленкой» налево.

– Верхний пост!

– Я – Звездочет, – отозвался капитан Константинов. – В поле зрения не попадали.

– Короче, так, – решил подполковник. – Думаю, пастухам в горах делать сейчас нечего. Это прогулка в поисках дураков, не иначе. В надежде, что кто-то остановит их и спросит о посторонних. Шли из села?

– Из села, – ответил старший лейтенант Пермяков.

– Значит, гостей стоит ждать предположительно оттуда... Всем внимание. Верхний пост, Звездочет, присматривай. Первач, тропа из села через тебя идет... Носом не клевать, смотреть! Хорошо бы до подхода «краповых» все закончить. Значит, село...

Занадворов отодвинул ото рта микрофон «подснежника» и вытащил трубку спутникового телефона. Сотовая связь на этом склоне была неустойчивой, но в селе вышка ретранслятора находилась в зоне прямой видимости, поэтому звонить туда на сотовый телефон было возможно. Сергей Палыч по памяти набрал номер осведомителя, который и дал им наводку на схрон.

– Здравствуй, Зубаир. Разговаривать можешь?

– Да, минутку... Слышно плохо. Я на улицу выйду.

Выйти Зубаиру пришлось, видимо, по той причине, что он не мог разговаривать открыто в присутствии посторонних. Но ждать пришлось недолго.

– Да, слушаю, – отозвался Зубаир.

– Это Сергей Палыч.

– Да, я узнал тебя... Что надо?

Зубаир разговаривал не грубо, как могло бы показаться постороннему. Просто у него речь такая. Русский язык горному жителю дается с трудом, и говорить иначе он не умеет.

– Из села на наш склон прошли мальчик со стариком с козами. Что им здесь нужно?

– Кто такие?

– Это ты меня спрашиваешь? Я позвонил, чтобы у тебя спросить...

– Понял. Сколько коз у них?

– Шесть.

– И козел с большой бородой?

– Да, крупный козел...

– Они вас видели?

– Нет.

– Не показывайтесь. В горах сейчас с козами делать нечего. Там трава уже плохая...

– Это мы сами понимаем. И не понимаем, зачем они сюда пошли.

– Это старый Абдулкерим Дидигов, отец Амади Дидигова. Ты знаешь эмира Амади Дидигова? Плохой человек...

– Слышал. Встречаться вот не приходилось, иначе о нем уже никто больше не услышал бы. Так ты думаешь...

– Я так думаю, что Амади в селе. Послал отца посмотреть.

– Понятно. Проверить не сможешь?

– Как? Прийти в гости к Абдулкериму я не могу. Мы в нехороших отношениях. Если там Амади, он меня застрелит, потому что я его брата Асхаба когда-то убил. Давно это было, в первую войну... Амади точно не знает, но подозревает. Когда он приходит, я из дома не

выхожу. Хорошо, что ты сказал. Амади нехороший человек, как и его покойный брат, многих убил.

– Ты сам в селе посторонних не видел?

– Нет. Если Амади пришел, то ночью. Сегодня ночью собаки сильно лаяли. Я думал, на вас. Ветер с вашей стороны был...

– Ладно. Спасибо за информацию. Дом старого Абдулкерима где стоит?

– Третий с вашей стороны. Красная крыша из металлочерепицы.

– А два первых дома?

– Там сейчас никто не живет. Хозяева в Грозном.

– Значит, в тех домах могут укрыться несколько человек?

– Могут.

– Все понятно. Спасибо. За мной должок.

Осведомители, конечно, бывали и такие, что работали бесплатно – по идейным соображениям или из чувства мести к боевикам. Но Зубаир предпочитал расчет наличными. Однако в этот раз и он отказался:

– Какой долг! Ты предупредил, что Амади здесь. Мы в расчете...

* * *

Предположение Зубаира вскоре подтвердилось. Первым на связь по «подснежнику» вышел старший лейтенант Лукоморьев:

– Я – Сказочник. Вижу старика и прочих козлов и козлиц. Мальчишка веткой коз заворачивает. Пошли по кругу, огибают нас. Одна козлица желает от стада отбиться, ей не позволяют проявить инициативу. Старик, кстати, бинокль имеет. Смотрит... Лучше никому не высываться. Судя по размерам, бинокль хороший.

– Никому не высываться! – повторил подполковник Занадворов.

Впрочем, это предупреждение было просто перестраховкой. Спецназ ГРУ умел долго сидеть без движения и при этом никак не нарушать маскировку, в которой каждый офицер группы был отличным специалистом. Случалось на учениях, что условный противник точно знал место, где замаскировались спецназовцы, но обнаружить никого не мог. Причем у противника были обычно сильные специалисты по поиску.

– Провожаем старика от поста к посту. Старый Абдулкерим Дидигов – отец эмира Амади Дидигова. Высматривает, не караулит ли кто его сына. Может сверху, если будет связь, позвонить по трубке, может просто вернуться в село после большого круга. Уничтожать только в случае обнаружения поста...

Вслед за старшим лейтенантом Лукоморьевым эстафету переняли другие посты слежения. Но они были ниже и в стороне от круга, по которому старик с мальчишкой вели свое маленькое стадо, и потому обнаружить их было трудно. Миновав три верхних поста, старик начал торопиться, что-то сердито сказал мальчишке, и тот стал подгонять коз активнее, что явно не нравилось авторитетному козлу. Но старик настаивал, читая внушения не только мальчишке, но и козлу тоже. Правда, последнему – не словами, а пинками. Видимо, такая «прогулка» утомила старые ноги, и Абдулкериму хотелось быстрее вернуться домой. Правда, видимо, по той же причине усталости пинаться ему тоже было нелегко. Опасности старик, судя по всему, не обнаружил, иначе вел бы себя скромнее.

Находясь прямо против села, старик с мальчиком и со стадом тем не менее не могли спуститься напрямую. Козел и козы, может быть, и смогли бы перебраться через скалы – эти животные на скалах всегда чувствуют себя уверенно, – а людям, да еще в престарелом возрасте, это трудно. К тому же если Абдулкерим знал, где устроен схрон, то не желал к нему приближаться, чтобы нечаянно не взорваться на mine. Даже если не сам он, то коза могла бы

неосторожно шагнуть или прыгнуть туда, куда не следует. Потому пришлось идти в обход. Но угол периметра старик все же решил срезать, и второе полукольцо завершал уже вплотную к «зеленке», а кое-где и углубляясь в заросли. И все время движения посты отслеживали людей и стадо, ничем себя не обнаруживая.

Абдулкерим не стал замыкать кольцо обхода, но к своему селу пошел напрямую, без тропы, опять срезая угол. Он был местным жителем и должен был знать, что там тоже есть каменная россыпь, через которую пробираться затруднительно. Тем не менее двигался он именно туда. На середине пути до россыпи Абдулкерим уже попал в поле зрения бинокля подполковника Занадворова. Сергей Палыч в бинокль смотрел недолго.

– Может, там проход есть? – предположил майор Тихомиров. – Про который мы не знаем?

– Я все там облазил, – сказал старший лейтенант Рататуев. – Никакого прохода...

– Это значит, что там его ждут... – понял подполковник. – Смещаемся к центру. Амади Дидигов двинется к схрону от каменной россыпи. Фланги спускаются ниже, чтобы отсечь его от села. Вперед!

– Я – Лесной, – сказал вдруг капитан Ёлкин, чей пост находился на самом крайнем участке периметра оцепления, с противоположной стороны от поста старшего лейтенанта Лукоморьева. – Со стороны гор в нашу сторону выдвигаются три человека. Все вооружены. Направление, скорее всего, к схрону. Идут без тропы...

2

– Отставить смещение! – Занадворов резко отменил свой собственный приказ, к выполнению которого никто приступить еще не успел. – Лесной», продолжай наблюдение. Докладывай постоянно.

– Понял, работаю... – отозвался капитан Ёлкин. – Дистанция около пятисот метров. Вышли из ущелья, где идет тропа в сторону границы. Двигутся ходко.

– Внешний вид? Твоя оценка.

– Типичные боевики, лесные люди. Идут тренированно, ходки опытные. Сомнений в движении не видно, следовательно, местность знают. Усталости не заметно.

– До границы два дневных перехода. Наших перехода. Для бандитов – три. Путь не самый ближний для тех, кто не часто ходит. Похоже, что оттуда?

– Вполне возможно. Если есть подготовка, не то расстояние, чтобы устать. А у них подготовка, похоже, есть... Если и устали, то не измучены.

– По этой тропе населенных пунктов до границы нет, – констатировал майор Тихомиров. – Кроме той стороны, идти им больше неоткуда.

– А если свернули откуда-то? – предположил старший лейтенант Пермяков.

– Я карту развернул, – сказал Тихомиров. – Не вижу целесообразности в круговом маршруте. Скорее всего, гости из Грузии.

– Багаж какой-то несут? – спросил командир.

– На правом плече автоматы. По рюкзаку за левым плечом. Вроде бы без лишней тяжести... Обычный груз при переходе.

– Они пришли на встречу с Амади Дидиговым, – решил подполковник Занадворов. – И сам Амади приготовился встречать. Встреча должна пройти, скорее всего, около схрона.

– Взорвутся все вместе, и спросить будет не у кого... – посетовал майор Тихомиров.

– Что спросить? – поинтересовался старший лейтенант Рататуев. – Про погоду в Грузии?

– Про странное для бандита проведение отпускного времени...

Приход трех вооруженных бандитов из Грузии в это время года действительно казался странным. Осень приближалась к концу, в это время года обычно последние из боевиков стремятся перейти границу и устроиться где-то на отдых. Снег вот-вот выпадет, и тогда уже уйти

будет сложно. И перевалы завалит, и заставит сильно наследить. Зима для бандитов – время вовсе не боевое. А тут, когда все туда, эти трое оттуда – непонятно...

– Пропускаем, но из-под пригляда не выпускаем, – распорядился Занадворов, вытащил трубку спутникового телефона, нашел в списке входящих звонков номер начальника штаба бригады и послал вызов.

Подполковник Строев ответил сразу.

– Сергей Палыч, мне еще не ответили. Я их сильно озадачил ситуацией с вертолетом. Так что подожди еще...

– Я по другому поводу, Валентин Викторович. Похоже, к выходу подготовился эмир Амади Дидигов. Это, скорее всего, его схрон. По крайней мере, сейчас на разведку выходил из села отец Амади, старый Абдулкерим Дидигов, проверял обстановку. Сейчас спускается со склона к каменной гряде. Предположительно, там должен быть сам эмир, иначе у гряды отцу делать нечего, поскольку прохода там нет. Но одновременно с этим по тропе со стороны границы с Грузией выдвигаются трое. Вооружены только автоматами. Возможно, идут издалека, но уверенно двигаются к схрону. Предполагаем, там должна пройти встреча с Амади Дидиговым.

– И что? Будешь работать?

– Естественно. Только возникает вопрос по поводу твоего предыдущего звонка. Кто-то там интересовался границей в нашем районе... Эти трое – не по тому ли самому вопросу?

– Понял. Пока действуй по обстановке. Я сейчас буду звонить; как что-то выясню – или сам с тобой свяжусь, или сразу дам твой номер полковнику Самокатову из ФСБ. Георгий Игоревич его зовут... Это его тема.

– Не люблю с ними работать, но если его тема, пусть звонит, – согласился Занадворов.

* * *

Удобная в оперативной обстановке система связи с помощью «подснежников» позволила мобильной группе подполковника Занадворова принять команду к исполнению и быстро и незаметно перегруппироваться двумя малыми группами по шесть человек в каждой. Первая, во главе с самим подполковником, контролировала предполагаемое выдвижение бандитов Амади Дидигова от каменной гряды. Вторая, во главе с майором Тихомировым, отслеживала передвижение троицы бандитов, пришедших со стороны Грузии.

Все перемещение производилось стремительно и бесшумно. Даже на тех участках, где следовало передвигаться ползком, чтобы не попасть на глаза возможному наблюдателю, военные разведчики ползали так, как умеют только они. Это умение было однажды оценено как техника «ползать бегом».⁴ Так они и переползали. И в новой ситуации были готовы действовать по-новому, сообразуясь с обстоятельствами.

Сам подполковник Занадворов занял позицию среди кустов, наблюдая в бинокль, как подходил к каменной россыпи Абдулкерим Дидигов. Мальчик с маленьким стадом в это время двинулся мимо камней в сторону тропы, по которой вместе со стариком пришел на склон. И передвигался быстро, не дожидаясь Абдулкерима. Видимо, старик так распорядился, не желая, чтобы мальчик видел больше, чем ему положено. И чтобы дать ему уйти подальше, старик даже на камень присел, словно собираясь с силами. Но отдыхал он не больше пары минут. Едва мальчик удалился за камни, Абдулкерим встал, осмотрелся и полез в расщелину. За камнями его стало не видно.

– Громобой! – в микрофон вызвал подполковник снайпера.

⁴ Фраза была сказана генералом армии Варенниковым во времена войны в Афганистане, когда прославленный генерал, тогда командовавший контингентом советских войск, наблюдал за занятиями кабульской роты спецназа ГРУ.

– Я... – отозвался с чуть более высокой позиции старший лейтенант Дима Шумаков. Тихо отозвался, но слышно его было не только через наушник. Занадворов посмотрел через плечо. Снайпер был в трех метрах от него.

– Налаживай свой тепловизор. Что с аккумуляторами?

– Плохо с аккумуляторами. Подзарядить бы где...

– Сколько работать сможешь?

– От силы пару часов.

– Нужно только пару минут. Осмотри камни. Может, что-то высветится...

Подполковник знал, что прицел с тепловизором не сможет ничего увидеть сквозь камни. Тем не менее каждый биологический объект выделяет тепло своего тела, и тепловизор улавливает именно это тепло. А оно, как известно, имеет свойство подниматься кверху. Следовательно, если камни не слишком большие, можно понять, за какими из них прячутся люди, и даже узнать, сколько их.

Старший лейтенант со вздохом снял с прицела жесткий и прочный пластиковый предохранительный чехол. Вздох командир оценил, но приказ не отменил. Шумаков, как и всякий снайпер, предпочитал использовать прицел не столько для наблюдения, сколько собственно для стрельбы, для чего тот и был предназначен. Но в условиях разведки стрелять порой приходится меньше, чем наблюдать. А наблюдение сильно сажает заряд аккумуляторов тепловизора. Тем не менее в группе только командир решает, кому чем следует заниматься. И старший лейтенант приложил к прицелу правый глаз.

– Камни посмотри. Куда Абдулкерим двинулся? Кто там ждет его?

– Вижу над камнями легкое тепло. Это старик идет. А дальше... А дальше ничего не вижу.

– Поищи, поищи.

– Ищу...

Снайпер больше минуты переводил прицел с участка на участок, добросовестно исследуя каждый из них.

– По направлению движения старика ничего не видно. Но там камни большие, тепло рассеивается. Он сам уже пропадает. Едва-едва улавливаю... А дальше камни размером намного больше. Там уже сплошные монолитные скалы, а не камни...

– Ладно. Отставить. Будем ждать. Тихий, что у тебя?

– Продолжаем наблюдение. Полста метров до них, – отозвался майор Тихомиров. – Идут напрямую в «зеленку» среди скал. К схрону...

Подполковник промолчал, вытащил трубку, глянул на монитор, словно тот мог подсказать, когда что-то выяснит Строев и когда позвонит Самокатов. Если полковника ФСБ интересуют люди, перешедшие границу и двинувшиеся в глубину территории, то он, возможно, потребует захвата их живыми. Это одна постановка вопроса и одна тактика действия. Тогда следует захватывать группу на подступах к схрону, иначе они просто взорвутся на «хитром» взрывном устройстве, установленном капитаном Захватовым. Но в этом случае и действия группы майора Тихомирова должны быть предельно скрытны и выверены до тонкости, иначе любой выстрел будет сигналом тревоги, и тогда не обнаруженная до сих пор группа Амади Дидигова может также необнаруженной исчезнуть с места действия. Только один случайный выстрел в состоянии испортить всю операцию, которую так долго и тщательно готовили. И допустить этого нельзя. Даже взрыв схрона не должен вызвать этого. Подумав как следует, Дидигов просто обязан прийти к мысли, что гости сами взорвались на mine, им же самим, Дидиговым, установленной. Просто по неосторожности, хотя в группе гостей наверняка есть кто-то, кто знает, где выставлено взрывное устройство. Дидигов никогда не был трусом, более того, он даже повышенной осторожностью не отличался и часто лез на рожон, и только по воле случая всегда выпутывался из сложных ситуаций. И в этот раз он не должен отойти. Если он

ждет гостей, после взрыва должен поспешить туда, еще не зная, что спешка не поможет, потому что на пути его будет ждать со своей группой подполковник Занадворов. И это будет конец Дидигова и его джамаата...

Как поступить в такой ситуации, Занадворов не знал. Рисковать и приказать Тихомирову производить захват троицы гостей из Грузии? Но, если гости войдут в камни хотя бы в паре метров один от другого, произвести захват одной атакой будет предельно сложно. А конфигурация прохода через скалы такова, что гости обязательно будут идти на дистанции, перепрыгивая при этом с камня на камень и стараясь не подтолкнуть один другого. В самой «зеленке» осуществить быстрый захват еще более затруднительно, поскольку там, по пути к схрону, все вокруг великолепно просматривается. Да и риск получить пулю кем-то из офицеров группы захвата слишком велик, чтобы безоговорочно, не зная необходимости, делать то, что тебе не приказывали. И даже не просили...

И потому, рассудив таким образом, Сергей Палыч решил оставить все, как оно идет и как виделось раньше. А если позвонит полковник Самокатов, придется сослаться на невозможность произвести захват.

* * *

– Я – Тихий. Они вошли в камни. Запускаем в схрон?

– Такова их судьба... – рассудил Сергей Палыч со вздохом, но без злорадства, поскольку сам считал, что всегда «ходит под судьбой», и неизвестно, как она может повернуться уже в следующий момент. – Мне не позвонили.

– Я понял. И хорошо, что не позвонили. Трудно было бы брать. Никак незаметным не подобрешься, как на Красной площади...

Микрофон «подснежника» достаточно чуток, и когда подполковник Занадворов разговаривает с кем-то через трубку, его разговор – если сам «подснежник» не выключен – становится слышен всей группе. И потому майор Тихомиров знал положение вещей и оценивал его точно так же, как командир.

– Докладывай!

– Пока докладывать нечего. Идем в пределах допустимого, контролируем ситуацию. Когда *будет*, услышат все...

Услышат, как нетрудно было догадаться, действительно все. Установленное капитаном Захватовым взрывное устройство сработает не только само по себе, чего для троих вполне хватило бы. Сдетонируют в дополнение и тротильные шашки из самого схрона. Захватов просчитывал ситуацию именно так. Обычно подобные схроны уничтожаются взрывом, но просто взрывать их – смысла мало. Гораздо лучше уничтожить вместе с бандитами. Потому капитан предпочел рвануть все, вместе с оружием и патронами. И это, учитывая солидность запаса взрывчатки, будет равносильно небольшому землетрясению. Подполковник Занадворов заблаговременно подумал о возможных последствиях такого землетрясения и потому расположил посты так, чтобы нигде и никого не смогло бы придавить камнями. А вот о безопасности тех, кто укрылся в каменной гряде ниже схрона, он подумать не успел. Впрочем, о собственной сохранности бандиты должны были подумать сами. Если каменная гряда на склоне, пусть и не на самом крутом его участке, начнет шевелиться, это, вероятно, будет слегка опасно для тех, кто там укрылся. Но обязательная реакция на такую опасность будет спецназовцам только на руку.

– Тихий...

– Я, – отозвался майор.

– Сразу после взрыва, если будет возможность, посмотри, что там они несут в рюкзаках. Просто так через границу не ходят. Обязательно должны что-то доставлять.

– Я так полагаю, что деньги. Если банда вышла из подполья и готова активизироваться в такое неудобное время, бандитам должны были хорошо заплатить. Видимо, принесли плату...

– Возможно, но ФСБ не зря волнуется. Из-за денег они вели бы себя спокойнее. Это может оказаться что-то другое.

– Если будет возможность хоть что-то посмотреть, мы посмотрим, – согласился Тихомиров. – Боюсь только, что рюкзаки вместе с людьми в клочья разнесет...

– Разнесет только ближнего, остальных по камням размажет, – со знанием дела, но вполне невозмутимо подсказал капитан Захватов. – Рюкзак можно будет лопаткой с камней соскрести... Это не слишком сложно.

– Кто взрыв готовил, тот пусть и соскребают... – заметил старший лейтенант Рататуев, входящий в группу Тихомирова. Ему такая работа, видимо, не слишком нравилась.

– Ждем, – прекратил болтовню подполковник Занадворов.

* * *

Потянулось ожидание; ждать и догонять – самые неприятные вещи. А потом вздрогнула каменная земля, загудела под телами лежащих спецназовцев, и, быстро нарастая, набирая мощную силу, прозвучал сильнейший взрыв. Это и в самом деле было маленькое землетрясение, которое ощущалось наверняка даже в домах села, до которого от склона было около четырех километров. Горная почва передает сотрясения далеко.

На такой взрыв не захочешь, но оглянешься. Оглянулись все без исключения и увидели, как над «зеленкой», скрывающей каменную россыпь, поднялся широкий столб огненно-бурого дыма, быстро приобретающий форму гриба. Это поднялось пылевое облако, зависшее над местностью, когда сам взрыв уже угас и осел. Но камни, поднятые мощной силой тротила, летели в разные стороны. Конечно, до лежащих в засаде спецназовцев они не долетели, однако могли достать тех, кто преследовал троицу гостей из-за границы. И потому вопрос подполковника Занадворова, прозвучавший по связи, был естественным:

– Как там, Тихий, все целы?

– Разве кто-то может остаться целым при таком взрыве? – удивился майор Тихомиров. – Одного точно на куски разорвало, двоих оставшихся искать нужно. Они в стороне ждать остались, а потом отправились покататься на взрывной волне, как на серфинге. Подожди... Пусть только все камни на землю из космоса вернуться. Не все же на орбиту прорвались... Тогда и искать будем.

– Я про наших спрашиваю! – Занадворов догадался, что Тихомиров привычно дурачится, и потому повысил тон разговора почти до сердитого.

– А нашим что делается? Мы на мины не бросаемся и от камней прячемся заранее. И даже на взрывной волне кататься не любим. Все целы, командир, не переживай! Загораем...

Подполковник, не ответив, повернулся в сторону каменной россыпи перед собой. Как там должны были отреагировать на взрыв схрона? Если ждали гостей, то теперь уже не ждут, понимая, что уже некого.

– Громобой!

– Я, товарищ подполковник!

– Прояви любопытство...

– Уже работаю, товарищ подполковник. Теперь там что-то есть... Приблизительно в том месте, где пропал из зоны свечения старик. Свечение снова есть, не сильное, но широкое, рассеянное... Если брать по окружности, думаю, там не менее шести–восьми человек. Может, даже на одного или на двоих больше. Они после взрыва в кучу собрались, и потому свечение появилось...

– Камни у них не растряло? – поинтересовался капитан Ёлкин из группы Тихого.

– Думаю, встряхнуло... – сказал снайпер. – И слегка напугало их. Но они понимают, что это не землетрясение. Сами схроны закладывали и потому знают, сколько там пашек было...

– Больше шестидесяти килограммов, – подсказал капитан Захватов. – Все ближайшие сейсмостанции, в том числе и в Грузии, должны ощутить толчок в несколько баллов.

– Дворовой, они двинулись в нашу сторону, – сообщил старший лейтенант Шумаков.

– Аккумулятор можешь не беречь. Если уничтожим их, зарядишь в селе, – сказал Занадворов. – Не уничтожим, нас все равно снимут, чтобы перебросить. В вертолете зарядишь.

– Понял, товарищ подполковник.

– Фланговые! Выдвигаться как можно ниже.

Проверить выполнение своей команды Занадворов не привык. Он и без того знал, что двое офицеров, занимающих позицию по левому и правому флангам, уже начали движение. Такой приказ обуславливался тем, что от каменной россыпи лежал прямой путь к взорвавшемуся схрону – конкретно через центр позиции, занятой его группой. И если бандиты двинутся этим путем – а другим они двинутся могут только в сторону села, – то попадут в «клещи» и будут атакованы с трех сторон. Это будет гарантированное уничтожение банды даже в том случае, если она численно превосходит поджидающих ее спецназовцев. Только один одновременный залп сможет уничтожить или обессилить бандитов. Останется только добить уцелевших...

* * *

Майор Тихомиров, пока группа подполковника Занадворова готовилась к встрече остальных бандитов, взмахом руки дал команду, которую через дымную пыль, повисшую в воздухе, все же увидели все. Группа начала выдвигание к схрону, но шли пригнувшись, чтобы не подставиться взгляду со стороны. Первый бандит из троицы попался им уже через десять шагов, когда группа перевалила за мощные камни, защищающие ее от взрывной волны. А за камнями то, что раньше называлось «зеленкой», то есть зарослями кустов и деревьев, «зеленкой» быть перестало, потому что часть деревьев вырвало с корнем и отбросило в сторону, сломав сильные стволы, как тонкие спички, а кусты начисто лишились остатков осенней листвы и удержались на месте, покореженные, только благодаря своей гибкости. Бандита, что первым попался на глаза, видимо, ударило взрывной волной так, что он летел метров тридцать. По крайней мере, до самого эпицентра было чуть меньше сорока метров. Майор Тихомиров сразу направился к нему, надеясь, что тот еще жив, но голова бандита или где-то по пути к месту падения отыскала камень, или тот сразу ударил по голове, уполовинив ее. С такими ранами даже секунду не живут. Тем не менее на теле висел на одном плече автомат, на втором – рюкзак. Обшарив карманы, Тихомиров вытащил документы, заглянул, удовлетворенно хмыкнул, потом перевернул тело половиной лица вниз и снял с плеча рюкзак. Расстегнув клапан, майор запустил внутрь руки и вытащил какие-то яркие коробки. На одной из них прочитал то, что, видимо, было одновременно и аннотацией, и инструкцией по применению. И только после этого вытряхнул на землю все содержимое рюкзака, пошевелил ногой, разгребая, и придвинул ко рту микрофон «подснежника»:

– Я – Тихий! Дворовой, как слышишь?

– Говори, пока есть возможность слушать.

– Денег не нашел. Зато в рюкзаке куча упаковок с лекарством от простуды и гриппа. Растворяешь – и пьешь. Я инструкцию изучил. Ты, случаем, не простыл?

– Подлечить желаешь?

– Запросто, товарищ подполковник!

– Подожди, мне звонят...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Определитель на спутниковой трубке высветил незнакомый номер.

Догадаться было нетрудно, что такое неподходящее время для разговора выбрал полковник ФСБ Самокатов. И потому подполковник Занадворов, оценивая свое положение в преддверии боя, начал без предисловия.

– Слушаю вас внимательно, но предупреждаю, что у нас ситуация вплотную приближается к боевой, и разговор я могу прервать в любую секунду. Потому попрошу говорить в темпе.

– Понял, Сергей Палыч. Я – полковник Самокатов. Вы имеете возможность захватить тех людей, что идут со стороны Грузии?

– Поздно, товарищ полковник. Они уже благополучно взорвались на mine. Сомневаюсь, что кто-то остался в живых, поскольку мина была заложена в складе с тринитротолуолом.⁵ Сейчас мои люди осматривают место взрыва. Говорят, одного точно разнесло на куски. Второго нашли в стороне, его взрывной волной убило. Третьего пока ищут...

– Сколько их всего?

– Трое, товарищ полковник. Шли со стороны Грузии.

– Должно быть шестеро. Чуть позже первой тройки границу перешла вторая. Временная дистанция около пятидесяти минут...

– Возможно, их остановил звук взрыва на подходе. В принципе я могу со своими людьми отправиться на поиск. Если есть след, мы их обязательно догоним. Только сначала здесь завершим... Здесь тоже дело серьезное.

– Обязательно следует догнать. И – большая просьба! – брать живыми.

– Понял, товарищ полковник.

– Еще вопрос. Рюкзаки были? Что у них в рюкзаках?

– Упаковки с каким-то лекарством от простуды и гриппа.

– Вот-вот... И у этих тоже. Их необходимо отправить на экспертизу. Я надеюсь, Сергей Палыч, нам предстоит еще вместе поработать. По этому самому делу...

– Понял, товарищ полковник. Извините, разговор заканчиваю. Боевики идут.

– Позвоните мне потом, как будет возможность. Обязательно позвоните! Я жду.

– Обязательно. Номер у меня в трубке есть.

Занадворов отключился от разговора и убрал трубку. Посмотрел из-за куста вперед. В каменной россыпи, подковой лежащей внизу склона, стали уже видны головы нескольких человек. Направление движения определить было трудно, поскольку оно диктовалось возможностью прохода между крупными валунами. Но естественным было предположить, что направление, которое выберут бандиты, предварительно было определено правильно.

– Громобой, попробуй подсчитать их!

– Уже подсчитал. Одиннадцать человек.

– Нормально. Почти паритет...

Для подразделений спецназа ГРУ, тем более мобильных офицерских групп, двукратное преимущество в живой силе со стороны боевиков считалось нормальным явлением и за счет высококлассной подготовки личного состава расценивалось как равное положение.

– Но старого Абдулкерима среди них нет... У него шапка заметная, а здесь все в банданах, и только один в вязаной шапочке.

⁵ *Тринитротолуол* – другое, полное название тротила.

- Куда он делся?
 - Сейчас посмотрю... Ага... Светится. Он за камнями, идет в сторону... На тропу к селу выдвигается. Да и ладно, пусть себе живет!
 - Пусть, – согласился Занадворов. – Я – Дворовой. Тихий, у нас противник. Что у тебя?
 - Нашли второго. Скрипач правильно предположил, его по камням размазало.
 - Рюкзак цел?
 - На удивление...
 - Содержимое?
 - То же самое. Бандиты поголовно страдают от простуды... И очень мечтают вылечиться до того, как с нашей помощью предстанут перед Аллахом.
 - Содержимое рюкзаков подготовь для экспертизы. Возможно, это и есть то, что тащат через границу. По крайней мере я так понял полковника Самокатова.
 - Я слышал разговор. Когда в погоню за второй тройцей двинем?
 - Если ты там закончил, можешь выходить.
 - Здесь заканчивать нечего. Соскребать со стены убитого необязательно. Мы выходим?
 - Идите. Мы догоним.
 - Без нас справитесь?
 - Не впервой!
 - Тропа идет по дну долины. Мы двумя тройками двинемся по склонам, по самой подошве. Там склоны лесистые.
 - Группа, ко мне, – тихо скомандовал Тихомиров. – Выдвигаемся.
- «Подснежник» давно отучил офицеров подавать громкую команду. Зачем голос надирать, если тебя и так слышат?

* * *

Бандиты выходили из каменной россыпи, словно выплывали из морских волн. Сначала видны были только головы, потом появились плечи, потом торсы, и, наконец, все они стали видны в полный рост. Чем ближе к краю, тем мельче были камни, и это бандитам, похоже, не нравилось, заставляло внимательно посматривать по сторонам, потому что на пространстве метров в шестьдесят они оказывались между камнями и «зеленкой», где спрятаться не было никакой возможности. Впрочем, они едва ли думали о том, чтобы прятаться. Они шли посмотреть, что произошло с их схроном и с людьми, которые туда шли – видимо, чтобы оставить там груз. Вернее, бандиты уже знали, что стало со схроном, но посмотреть все же желали. Поляна, которую пересекала банда, с одной стороны ограничивалась каменной «подковой», с другой. зеркальную «подкову» образовывала «зеленка». Заблаговременно выставленные подполковником Занадворовым фланговые оказались с бандитами на одной линии, и Сергей Палыч дал им возможность пройти еще десять шагов.

– Разбираем слева направо для прицельного огня, – прозвучал приказ.

Никому не было необходимости этот приказ разжевывать, потому что существовало только два варианта «разбора» противника для прицельного огня – слева направо и справа налево, в зависимости от обстоятельств, конфигурации местности и позиций, на которых оказывались противники. Каждый из офицеров знал, сколько человек от него находится слева, и считать умел, и потому не составляло труда отыскать именно свою цель. На прицеливание отводились традиционные пять секунд, после этого на выдохе звучало короткое:

– Огонь!

После выдоха следовала задержка дыхания, чтобы не сбивался прицел, и следовал выстрел. Прицельный выстрел однозначно предполагал одиночную стрельбу или, в крайнем случае, предельно короткими очередями. Стандартной и наиболее эффективной всегда счита-

ется очередь в три патрона, но спецназовцы, имея достаточную подготовку, обычно стреляли двумя. Это не отбрасывало ствол от цели и позволяло тут же дать повторно такую же короткую очередь.

Повторные очереди уже не требовали команды и зазвучали сразу, без перерыва и без раздумья. Только два бандита успели залечь, причем один, как показалось Занадворову, не залег, а упал раненый и дал очередь, сам не понимая куда, потому что стреляющих военных разведчиков не видел – они надежно прятались под кустами. А вот укрыться на поляне было совершенно негде, и только трава, уже жухлая и ломкая в середине ноября, но, по-южному, еще не упавшая, скрывала тех, что остались живы. Но здесь уже была несложная техническая работа для снайпера, который с тепловизорным прицелом преграды в виде травы традиционно не замечал.

– Громобой! Дима! – потребовал командир.

– Вижу, работаю, – отозвался старший лейтенант Шумаков.

Два едва слышимых выстрела «Винтореза» прозвучали с небольшим интервалом.

– Конец фильма, товарищ подполковник, – доложил снайпер.

– Выходим!

Выходили на сближение с противником тоже по отработанной схеме, и тоже «подковой», внимательно просматривая пространство перед собой и чуть-чуть по сторонам. Это на случай, если кто-то из бандитов окажется только раненным и пожелает оказать сопротивление. И в этот раз такой оказался. Бандит, не имея возможности встать, все же пытался поднять одной рукой автомат и навести ствол на подступающих вплотную спецназовцев, едва различая их помутненным взором. Короткая очередь старшего лейтенанта Лукоморьева, заходящего с левого фланга, кардинально пресекла всякую попытку сопротивления.

– Обыскать, собрать документы, – распорядился Сергей Палыч, останавливаясь. – Тихий, ты где? Слышишь?

– Я – Тихий. Выходим к началу тропы, – доложил майор Тихомиров. – Правую группу повел Ёлкин, я двину под левым склоном. Тропа идет вдоль ручья. Ручья, кстати, на карте нет. Он узенький, полметра шириной... Почва по берегам черная и жирная, следы должны оставаться со «знаком качества». У вас, как я понимаю, все в порядке?

– Через несколько минут выходим вдогонку. Сначала обзвоню руководство...

– Мы бегом не бежим, догонишь.

* * *

Первым новости узнал, естественно, начальник штаба бригады подполковник Строев. Любой офицер предпочтет сделать первый доклад именно своему командованию.

– Валентин Викторович, это Занадворов.

– Да, Сергей Палыч, я ждал твоего звонка, но сам тебя отрывать от дел не хотел. Знаю, каково это... Звонил тебе Самокатов?

– Звонил. Но опоздал. Первая тройка уже благополучно взорвалась на mine в схроне. Но полковник подсказал о существовании второй тройки, что должна идти следом. Границу, говорит, переходили с интервалом меньше часа. Выходим в поиск. Только что уничтожили банду в количестве одиннадцати человек. Документы собираем, тела оставляем на склоне в трех-четыре километрах от села. Можно прокуратуру вызывать... Пусть без нас работают, я рапорт позже напишу, по возвращении.

– Я сообщу, пусть вылетают.

– Мы тела караулить не будем. Я никого не хочу оставлять, поскольку преследование может затянуться до грузинской границы. Место найдут сами... Светлого времени для прилета им хватит, если поторопятся. И нужда в прибытии «краповых», кстати, отпадает.

– Хорошо. Документы где будут? В селе есть у кого оставить? Там же у ментов, кажется, пункт имеется... Может, забросишь?

Не отрываясь от трубки, Занадворов бросил взгляд в сторону далекого села.

– Времени не имею, Валентин Викторович. Половину группы я уже в преследование отправил. Надо догонять. Мало ли что... Место беспокойное.

– Понял. Я сам с ментами свяжусь. Пусть встретят вертолет из следственного комитета... Тогда оставь документы рядом с главарем. Кто там у них эмир?

– Амади Дидигов, по идее... И отец Амади здесь был, ходил со стороны бандитов в разведку. Но, насколько я помню по ориентировке, у самого Амади рост сто девяносто. Здесь таких не было... Но документы оставим на видном месте. На всякий случай переснимем. С цифровой камерой это дело двух минут.

– Договорились. Самокатову позвони!

– Сейчас сразу и позвоню. Он второй на очереди...

Отключившись от первого разговора, подполковник распорядился, чтобы капитан Захватов, выполняющий в группе обязанности фотографа, переснял и документы бандитов. Общую картину боя капитан уже отснял, но камеру убрать не успел. И только после этого Сергей Палыч позвонил полковнику Самокатову.

– Товарищ полковник, подполковник Занадворов.

– Да, я ждал вашего звонка.

– Я уже доложил подполковнику Строеву об уничтожении банды в одиннадцать человек. Это банда, по нашим предположениям, Амади Дидигова, но самого эмира среди бандитов не оказалось. Согласно нашим предположениям, гости из Грузии шли именно в банду. По крайней мере, в схрон, месторасположение которого хорошо знали и даже, вероятно, были в курсе, что схрон заминирован, но не знали, что мы переставили мину, и потому взорвались.

– Вот это я и хотел узнать, Сергей Палыч, – сказал полковник Самокатов заинтересованно. – И сейчас сам вылечу к месту действия со следственной бригадой. Там и увидимся...

– Я со своей группой уйду в преследование. Будем искать вторую троицу гостей. Кстати, подполковник Строев должен передать сообщение для бригады следственного комитета. Вы с ним согласуйте, кто полетит, чтобы не дублировать действия. Я, со своей стороны, буду держать вас в курсе событий. Позвоню с маршрута.

– Договорились. Только у нас вертолетчики суровые – заставляют трубки в полете отключать, иначе могут в воздухе высадить. Если сразу не дозвонитесь, звоните позже...

– Понял, товарищ полковник, я со злым террором пилотов знаком хорошо. Дозвонюсь.

* * *

– Я – Дворовой! Вышел к началу тропы. Тихий, ты где?

– Сдвинулись метров на двести. Иду левым склоном.

– Лесной, ты где? – позвал подполковник капитана Ёлкина.

– Правый склон, командир, двести пятьдесят метров. У меня местность ровнее, иду быстрее. Следы попадались дважды. Подозреваю, что это первая группа. Точно сказать не могу. Следы ведут только в сторону схрона, обратных не нашел.

– Следы были на самой тропе?

– Нет, рядом... В сторону метров на восемь. Здесь склон покатый, идти удобно, но, к сожалению, мелких камней много. Сильно не наследись.

– Мы выходим по тропе.

– Там камней мало, одна земля...

По тропе, что тянулась вдоль ручья, почти не повторяя его причудливые изгибы, идти было, конечно, легче, чем по склону. А если склон крутой, как у группы Тихомирова, то там вообще идти сложно, потому что одна нога постоянно вынуждена разгибаться не до конца и от этого устает. И подполковник быстро догнал бы две передние группы, если бы передвижение не сдерживало внимательное осматривание тропы. Вообще-то это неблагодарное дело – искать следы там, где до этого ходило множество ног – и человеческих, и овечьих, и козлиных. И дождей, несмотря на осеннее время года, было мало, чтобы размыть старые следы и оставить только новые, свеженькие. Хотя почва у ручья для следопытов была благодатная, потому что жирный чернозем хорошо вбирает в себя отпечатки ног. Но старые следы сбивали с толку и заставляли останавливаться для тщательного изучения. Характерная особенность старого следа – осыпавшиеся или поплывшие края. Но на ходу это рассмотреть сложно и потому, если не все было ясно с первого взгляда, приходилось останавливаться, приседать и присматриваться. Но все же, несмотря на частые задержки, расстояние сокращалось, поскольку численностью группа подполковника была вдвое больше каждой из групп, идущих по склонам, и имела возможность проводить осмотр сразу в нескольких местах, после чего отставший уже догонял остальных.

– Дворовой, вижу тебя, – сообщил майор Тихомиров. – Ты – спринтер, почти догнал нас. Тридцать метров осталось...

– Меньше спать нужно, чтобы не догоняли, и быстрее работать. Что у тебя со следами?

– Следы были дважды, но одиночные. Один раз человек с собакой шел. Крупный пес. Петлял и следил под кустами. Лапу задирает... Наверное, кавказец или азиат.

– По запаху, что ли, различаешь? А если дог? Или ньюфаундленд? У них лапы побольше, – заметил Ёлкин.

– Не-а... Или кавказец, или азиат. Здесь других крупных собак не бывает. Местные собак в домах не держат. А дог во дворе зимой околеет. Это тебе не какой-нибудь Южный Урал. Это – Северный Кавказ. А ньюф для местных жителей по натуре слишком добрый. Они таких не любят. Им нужно, чтобы собака на всех страху нагоняла...

– В том числе и на хозяев, – заметил подполковник Занадворов. – Наш парень из местного села, Зубаир, своего кавказца с лопаты кормит – подойти боится. Я сам наблюдал!

И, словно в подтверждение их разговора, где-то в стороне басовито и густо, как в тумане, залаяла собака. Голос впечатлял и сразу заставил всех насторожиться.

– Кто-то еще здесь гуляет... – сказал Сергей Палыч. – Соблюдать внимательность. Откуда лай? Кто определил?

– Из глубины ущелья, – подсказал Ёлкин. – Дистанцию не скажу. Места такие, что точно никто не скажет. На такой голос эхо всегда откликнется...

Собака залаяла опять – самоуверенно, грозно. Но на голос откликнулось не только эхо, но и автоматная очередь. Собака не завизжала, но лай прекратился.

– Вперед! – сразу среагировав, скомандовал подполковник Занадворов. – Кажется, вторая тройца объявилась.

Все три группы двинулись вперед резким броском, перемежая быстрый шаг с легким бегом, одновременно рассеиваясь веером по всему дну ущелья и по склонам с тем, чтобы охватить максимально большее пространство, при этом не теряя визуального контроля за соседями.

Как часто бывает в горах, тем более в таких, где лес перемежается со скалами, эхо сильно обманывает путников, и звуки, которые, как казалось, раздались совсем близко, оказываются отдаленными, и наоборот. В данном случае подполковнику Занадворову показалось, что группа преодолела уже три расстояния, которые отделяли их от лающей собаки, и только после этого подал предостережение капитан Ёлкин, опережающий остальную группу:

– Осторожно! Вижу убитую собаку и человека рядом с ней.

– Осторожно, – повторил подполковник Занадворов; тем не менее темп движения не снизил до тех пор, пока за поворотом ущелья не увидел то же, что и чуть раньше со склона капитан.

Собака лежала на боку, видимая только наполовину, а рядом с ней стоял на коленях мальчишка лет пятнадцати, гладил собаку по боку и плакал.

– Он без оружия, – сказал старший лейтенант Шумаков, уже рассмотревший мальчишку через оптический прицел.

Спецназовцы приблизились, окружили мальчишку, но он, бросив на них первый взгляд, больше внимания не обращал. Только плакать перестал. Стыдно, видимо, было плакать перед взрослыми, потому что сам он себя считал уже почти взрослым. Собака лежала без движения, даже грудь не колыхалась. Значит, не было и дыхания. Только вблизи видно стало, что пуля вошла крупному псу через ухо в голову.

Подполковник Занадворов понимал, что мальчишке очень больно, что он потерял своего, может быть, лучшего и наверняка самого верного друга, потерял тогда, когда видимой опасности, казалось, и не было; следовательно, потеря эта была вдвойне неожиданной и потому особенно тяжелой. И не хотелось лезть со своими словами в эту частную трагедию. Но спросить следовало, и Сергей Палыч нашел нужные слова.

– Собаку-то за что?

Мальчишка поднял голову.

– Они туда пошли... – показал он рукой не в сторону известной тропы, а в сторону пологого склона. – Возьмите меня, я знаю проход через скалы. Я помогу догнать их.

– Как тебя зовут? – спросил Тихомиров.

– Хамзат... Хамзат Дидигов.

– Дидигов? – переспросил Занадворов. – Родственник Амади Дидигова?

– Амади из нашего тейпа.⁶ У нас больше половины села Дидиговы. Есть еще одно село, где Дидиговых много. Это на границе с Ингушетией. Но там другой тейп...

– Хорошо, они тебя еще не тронули, – заметил капитан Ёлкин.

– Они бы тронули... Но тоже спросили, как меня зовут и не родственник ли я Амади. Тогда ушли... Переглянулись и ушли.

– Ты кого-то из них раньше видел?

– Видел одного. Он часто с дядей Амади ходит...

– А как зовут, знаешь?

– Нет. Он не из нашего села. И вообще разговаривает не так, как у нас говорят.

– А как?

– Ну как-то не так... будто в Москве живут. Но он чеченец.

– Понятно. А собаку-то зачем убили?

– Я их сначала не видел, иначе не пустил бы Артура. Он у меня добрый был. Он не кавказец, он помесь кавказца с сенбернаром. И кровь сенбернара в нем сильнее была. Добрый... Побежал навстречу поздороваться. А что залаял... Собаки всегда лают. Все лают. И предупреждают, и от радости, и говорят что-то... А Артур больше не залает...

Мальчишка снова готов был заплакать.

– Нам всем приходилось друзей терять. Так, ты говоришь, здесь проход есть? – подполковник совмещал утешение с делом, понимая, что отвлечение на другую тему пойдет мальчишке на пользу.

– Да, в соседнее ущелье.

– Покажи на карте. – Занадворов развернул планшет.

Мальчишка долго водил по карте пальцем, но потом пожал плечами.

⁶ Тейп – родоплеменное образование у кавказских народов.

- Здесь ничего не понять... А проход есть. Я только сегодня там шел.
- Куда ходил-то? – спросил майор Тихомиров.
- Отец с матерью на метеостанции работают. Я два раза в неделю к ним хожу.

Метеостанция на карте была отмечена как нерабочая. Значит, карта устаревшая и пора ее менять. Или хотя бы отметки следует сменить. И Занадворов сделал карандашом свою отметку, зачеркнув знак условного обозначения.

- Давно метеостанцию открыли?
- Два с половиной месяца. Отец с матерью и раньше там работали. И сейчас стали.
- Идем... Покажешь проход.
- Артура похоронить нужно. Я быстро...

Занадворов обернулся и кивнул капитану Ёлкину. Тот вытащил из-за спины малую саперную лопатку и воткнул ее в землю. Тут же еще два офицера вытащили свои лопатки...

2

Подполковник специальной службы внешней разведки Грузии Элизабар Мелашвили первоначально не намеревался отправляться в маршрут по другую сторону границы. Это вовсе не входило в его намерения. Но они изменились, когда он узнал сначала конечную цену, которую должен был заплатить специальной службе внешней разведки за поставки фенциклидина «вор в законе» Акаки Владимирович Эфтимешвили, а потом поговорил с прибывшим из России специальным посланником полевого командира Амади Дидигова и при этом, как поговаривали, гениальным теневым финансистом Джогиргом Зурабовым, благодаря которому сам Амади никогда не нуждается в средствах и очень неплохо устроил в Европе свою семью. В этот раз Амади, как и предупреждал Элизабар полковника Лоренца, не прибыл на встречу по личным уважительным причинам. Джогирг объяснил, что Амади пару лет назад убил человека из здешнего чеченского села и его появление здесь родственники убитого воспримут как подарок Аллаха. Получать пулю просто так, как показалось Дидигову, не стоит, и Джогирг его в этом поддержал.

То, что платил специальной службе внешней разведки Эфтимешвили, больше чем в три раза превышало то, что платила сама служба американцам, желающим оставаться вне официальных финансовых потоков, чтобы никак не «засветиться» на торговле наркотиками. Американцы должны были получить из рук в руки тот минимум, который они заплатили. Но Элизабар был не только опытным разведчиком, он был еще и коренным жителем своей страны и хорошо понимал при этом, что остаток средств будет израсходован вовсе не на нужды разведки, а, скорее всего, осядет в карманах окружения Гелы Бежуашвили, руководителя службы. Сам Гела тоже в накладе не останется. Но при этом Эфтимешвили платил и считал такую цену для себя выгодной. Значит, в России он «наварит» в несколько раз больше, поскольку хорошо знаком с рынком, значительную часть которого он же и контролирует. Но прикоснуться к этому финансовому потоку подполковник Мелашвили возможности не имел, хотя суть вопроса уже уловил. Кроме того, он считал, что и о себе не следует забывать, и понял, что для этого необходимо делать. И потому взял переговоры с Зурабовым в свои руки. Но Джогирг не зря слыл человеком, который знает счет деньгам. Он умел торговаться так, словно всю свою сознательную жизнь продавал на базаре урюк, и много с него страсти не удалось. Но даже то, что удалось, равнялось полугодовому жалованию грузинского подполковника. Естественно, что это повысило аппетит Элизабара. А тот, как известно, приходит не только и не столько во время еды, как говорит пословица, а чаще тогда, когда садишься за стол, видишь, что на столе стоит, и горишь желанием попробовать.

Подполковник Мелашвили еще не попробовал. Он только почувствовал запах денег, но аппетит у него уже разыгрался. И решение пришло само собой. В разговоре с Джогиргом Зура-

бовым выяснилось, что сам он не только дело имеет с Дидиговым, но и поддерживает хорошие отношения с другими эмирами и просто влиятельными людьми в Чечне. И Элизабар, нисколько не сомневаясь, предложил Джогиргу возможность заработать. Зурабов сводит подполковника грузинской разведки с нужными людьми, которые смогут организовать широкополосные поставки фенциклидина в Москву, а Мелашвили делится с ним прибылью. Договорились быстро, поскольку грузинский подполковник очень быстро разобрался, что Зурабов недоволен той ролью, которую выполняет при Дидигове, а сам Амади уверен в том, что деятельность Зурабова должна быть направлена только на его обогащение. Но Джогиргу давно уже засела в голову мысль о необходимости позаботиться и о себе, и он только ждет удобного случая. И при этом хочет сохранить лицо. Работа на Амади в понимании финансового гения должна была совмещаться с работой на себя. И это не будет предательством.

Так и сумели договориться, но не в кабинетах внутри лаборатории, а на прогулке в соседних горах, чтобы избежать подслушивания. Полковнику Лоренцу пришлось при этом сказать, что Зурабов сам не пожелал посетить лабораторию, стараясь не попадать в поле зрения камер видеонаблюдения американской разведки. Лоренц это понимал – как же, представитель мусульманского мира, мира воюющего; может быть, и не связанный напрямую с «Аль-Каидой», тем не менее имеющий по крайней мере моральную поддержку с той стороны. Но пусть этот эмиссар и будет агентом «Аль-Каиды»! Это не имело значения, поскольку в данном конкретном случае он должен работать на интересы Соединенных Штатов.

Такая предосторожность со стороны грузинского подполковника лишней не была. Элизабар прекрасно знал, что Лоренц не доверяет никому и всех одинаково презирает, кроме своих соотечественников, и сам в ответ относился к американскому полковнику адекватно. Но при этом на обострение отношений не шел, поскольку другой случай так основательно заработать в жизни едва ли представится, и упускать его из-за каких-то там амбиций ни в коем случае нельзя. При этом подполковник Мелашвили не видел в своем поведении ничего предосудительного, поскольку был продуктом своего времени и действовал так же, как все вокруг него, стараясь не упустить момент, если такой подвернется. А задача, которую поставил перед участниками операции «Хиросима» полковник Лоренц – наводнить Россию предельно дешевыми наркотиками, – касалась самого полковника и волновать должна была именно его. Если взялся проводить такую операцию, сначала узнал бы о порядках, существующих на постсоветском пространстве, о системе посредников, каждый из которых «нагревает» руки с тем, чтобы довести конечный продукт до максимальной стоимости. Так во всем. И в торговле наркотиками тоже. И даже тогда, был уверен Элизабар Мелашвили, когда заработает вторая часть операции и недоучившиеся химики начнут делать фенциклидин на кухнях в массовом порядке, наркотик будет стоить столько же. Посредники просто не допустят снижения цены. Иначе им не на чем будет зарабатывать.

Так, при всем своем желании нанести вред северному соседу, как требовало того руководство страны, подполковник грузинской разведки, участвуя в операции напрямую, был уверен в ее конечной бесполезности.

* * *

Когда-то Элизабар Мелашвили мечтал стать футболистом и, как все начинающие и еще не познавшие себя, непременно знаменитым. Еще мальчишкой он тренировался с невероятным упорством, пытаясь характером подменить отсутствие футбольного таланта, но сам быстро почувствовал, что на одном характере долго продержаться невозможно. Главное, чего ему не хватало, – это умения видеть поле, а без этого, как ни старайся, как ни заставляй себя работать с мячом, когда ноги уже от усталости заплетаются, ничего хорошего добиться не сможешь, потому что футбол – игра коллективная, и одиночка там в состоянии проявить себя

только тогда, когда команда будет играть на него. Но подобное случалось только с очень яркими талантами. Элизабар же не претендовал даже на талант заурядный. И футболистом не стал.

От спорта ему достались в наследство многочисленные травмы ног, которые даже не всегда позволяли ему полноценно заниматься специальной боевой подготовкой, когда Элизабар начал служить сначала в генеральном штабе, а потом и в разведке. В разведке занятиям по боевой подготовке уделялось гораздо больше внимания, чем в генштабе. Конечно, никто не требовал от него, офицера-разведчика, боевых навыков спецназовца; тем не менее в данной дисциплине даже среди себе подобных Элизабар отставал, с трудом осваивая умение бить руками и ногами и точно стрелять из любого положения, хотя никто не мог сравниться с ним в выносливости и скорости бега. Это тоже было наследством футбола и самозабвенных тренировок.

И потому, собираясь выйти вместе с боевиками в маршрут, грузинский подполковник не сомневался, что выносливость его не подведет и с прохождением маршрута он справится. А если и будет трудно, то опять придется проявлять характер – тот самый, что когда-то заставлял его тренироваться даже тогда, когда другие, более способные, лишались сил. В глубине души надеясь, что за время похода стрелять и принимать участие в рукопашном бою не придется, Мелашвили все же готовился к делу всерьез и вооружился по полной программе. Но, как разведчик, он не желал привлекать внимания, и все оружие было арабского производства, в том числе и «американская» винтовка «М-16».⁷

Полковник Лоренц одобрил рвение грузинского подполковника и нашел его вполне уместным, поскольку уже неоднократно подумывал о засылке своего специалиста на российские беспокойные окраины; но всегда находился кто-то из руководства, кто считал такой шаг слишком рискованным для современной обстановки и предлагал потерпеть, пока новый президент не притрется к механизмам большой политики. Хотя, как слышал Лоренц, притираться ему и надобности не было, поскольку он давно уже в ней трется. Тем не менее разрешения пока не давали. А вот запретить подобные действия грузинскому подполковнику Лоренц не имел ни права, ни желания. Более того, он даже воспринял инициативу, как будто им самим задуманную, и принял горячее участие в обсуждении планов грузинского разведчика.

⁷ Автоматическая винтовка «М-16» в одном из вариантов для нужд своих вооруженных сил и без права экспорта производит оружейная компания Саудовской Аравии. Винтовка имеет целый ряд специфических отличий от «материнского» образца и во многом превосходит его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.